

**МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В.ЛОМОНОСОВА**

ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

Б А К А Л А В Р И А Т

Выпускная квалификационная работа

**«Реализация условий межкредиторского соглашения
о порядке удовлетворения требований к должнику
в деле о несостоятельности (банкротстве)»**

Дипломная работа
студента 415 группы
Зенькова Даниила Андреевича

Научный руководитель
доктор юридических наук, профессор
Карелина Светлана Александровна

Дата защиты: «____» _____ 2025 г.

Оценка _____

Москва
2025 г.

Оглавление

Введение	3
Глава I. Соглашение кредиторов о порядке удовлетворения их требований к должнику (межкредиторское соглашение).....	10
§ 1. Понятие и правовая природа межкредиторского соглашения. Проблема участия должника в межкредиторском соглашении.....	10
§ 2. Соглашение о субординировании требования одного кредитора по отношению к требованию другого как вид межкредиторского соглашения	33
§ 3. Соглашение об уравнивании требований кредиторов как вид межкредиторского соглашения	51
Глава II. Правовой механизм реализации условий межкредиторского соглашения в деле о несостоятельности (банкротстве)	61
§ 1. Консолидация требований кредиторов как средство реализации условий межкредиторского субординационного соглашения	61
§ 2. Исполнение соглашения об уравнивании требований кредиторов, подлежащих в силу закона удовлетворению в разной очерёдности	82
Заключение.....	93
Список нормативных правовых актов и иных актов, обладающих нормативными свойствами	98
Список материалов судебной практики	99
Список использованной литературы	103
Иные источники	108
Иностранные источники.....	109
Приложения	111

Введение

В настоящей работе автором рассмотрены вопросы реализации условий соглашения кредиторов о порядке удовлетворения их требований к должнику (далее также — межкредиторское соглашение) в деле о несостоятельности (банкротстве).

Актуальность исследования. Стечение кредиторов в совокупности с недостаточностью имущества должника для удовлетворения всех притязаний является причиной возникновения конфликта обязательственных прав управомоченных субъектов. Значимая роль императивных предписаний в регулировании вопросов несостоятельности (банкротства) обусловлена необходимостью обеспечения баланса интересов кредиторов и должника, а также упорядочения требований кредиторов для получения ими возможно более полного удовлетворения своих требований.

В соответствии с Федеральным законом от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)¹ (далее — Закон о банкротстве) реестр требований кредиторов (далее также — реестр требований) подразделяется на несколько очередей, а сама концепция нормативного регулирования несостоятельности строится на пропорциональном погашении требований кредиторов, исходя из их равенства между собой в пределах одной очереди (принцип *pari passu*). При этом в установленных случаях требования кредиторов могут подлежать удовлетворению за счёт имущества, оставшегося после расчётов с кредиторами, притязания которых включены в третью очередь реестра требований.

Существенная доля требований к должнику в деле о несостоятельности (банкротстве) вытекает из гражданско-правовых отношений, имеющих по своей природе диспозитивный характер (пункт 2 статьи 1 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ). Следовательно, кредиторы вправе совершать сделки, направленные на изменение очерёдности удовлетворения

¹ Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (с изм. и доп. от 26 декабря 2024 г. № 478-ФЗ) // СЗ РФ. 2002. № 43. Ст. 4190; 2024. № 53. Часть I. Ст. 8488.

своих притязаний, а равно на установление режима непропорционального распределения полученного от должника исполнения. Между кредиторами могут быть заключены соглашения о субординировании требований одного кредитора по отношению к требованиям другого и соглашения об уравнивании притязаний к должнику, *ex lege* подлежащих удовлетворению в разной очерёдности.

Как правило, заключение любого из указанных соглашений обусловлено возможной несостоятельностью обязанного лица. Соглашения, относящиеся к первой группе (субординационные соглашения), дают возможность улучшить экономическое положение одного из кредиторов за счёт права получить удовлетворение своих требований в первоочередном порядке по отношению к другому кредитору или другим кредиторам. Исходя из этого, старший кредитор может в определённом смысле контролировать кредитную нагрузку общего должника. Заключение соглашения об уравнивании требований кредиторов необходимо в тех ситуациях, когда погашение притязания одного из управомоченных лиц в силу закона невозможно до полного удовлетворения требования другого.

Актуальность заключения межкредиторского соглашения становится особенно очевидной при введении в отношении должника процедуры, применяемой в деле о банкротстве, так как имущества обязанного лица недостаточно для погашения всех требований. Более того, возникновение прав и обязанностей по соглашениям может быть вовсе поставлено под условие принятия судом заявления о признании лица несостоятельным (пункт 2 статьи 157 ГК РФ).

Основная проблема, которая препятствует полноценной реализации условий межкредиторских соглашений в дела о несостоятельности, состоит в пробелности законодательного регулирования, не закрепляющего соответствующего правового механизма. Для определения основных параметров последнего требуется однозначно уяснить правовую природу отношений, возникающих при заключении и исполнении межкредиторских

соглашений разных видов. Труды учёных по поставленной проблеме в целом отражают отсутствие консенсуса как относительно квалификации рассматриваемых сделок, так и относительно порядка их исполнения в рамках банкротных процедур.

Так, М.Д. Тяжбин не рассматривает межкредиторское соглашение в качестве посреднического договора¹, тогда как Н.В. Родина полагает допустимым применение норм об агентском договоре к субординационному соглашению между кредиторами, кроме положений о вознаграждении агента². Ю.С. Харитонова считает межкредиторское соглашение близким к конструкции договора о совместной деятельности³, при этом В.В. Витрянский отмечает невозможность квалификации соглашения о порядке удовлетворения требований к должнику как договора простого товарищества, поскольку стороны «...ни при каких условиях не создают общего имущества и не действуют совместно для достижения общей цели»⁴.

Некоторые представители зарубежной доктрины (в частности, David G. Carlson) поддерживают позицию о том, что структура соглашения о субординировании требования одного кредитора по отношению к требованию другого включает в себя уступку младшего притязания в пользу старшего кредитора⁵. К слову, российский исследователь А.Г. Карапетов также обсуждает вариант цессии младшего требования на фидуциарных началах в рамках субординационного соглашения⁶. В свою очередь, Dee M. Calligar

¹ Тяжбин М.Д. Соглашение кредиторов одного должника о субординации в системе частного права // Вестник гражданского права. 2021. № 3. С. 7-107.

² Родина Н.В. Механизм субординации требований в процессе несостоятельности (банкротства) юридических лиц: проблемы правовой регламентации. Автореферат дисс. канд. юр. наук. М., 2022. 30 с.

³ Харитонова Ю.С. Межкредиторские соглашения в российской доктрине и практике // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 6. С. 105-111.

⁴ Витрянский В.В. Судебное толкование некоторых новелл об исполнении обязательств и ответственности за их нарушение // Хозяйство и право. 2017. № 3 (Приложение). С. 3-48.

⁵ David G. Carlson, A Theory of Contractual Debt Subordination and Lien Priority, 38 Vanderbilt Law Review 975 (1985).

⁶ Исполнение и прекращение обязательства: комментарий к статьям 307-328 и 407-419 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание. Редакция 2.0] / Отв. ред. А.Г. Карапетов. — Москва: М-Логос, 2022. — 1496 с. (Комментарии к гражданскому законодательству #Глосса).

полагает, что соглашение между кредиторами является договором, реализация которого должна быть обеспечена судом¹.

Расходятся мнения правоведов по вопросу об исполнимости условий межкредиторского соглашения в деле о несостоятельности. Если В.А. Гуреев скептически относится к возможности реализации условий указанного соглашения с участием должника в рамках банкротных процедур², то М.Д. Тяжбин считает не только приемлемым, но и желательным учитывать волю управомоченных лиц относительно очерёдности погашения притязаний и пропорций конкурсного распределения имущества³.

Вместе с тем можно отметить, что остаются практически неисследованными вопросы о положении межкредиторского соглашения в структуре правового механизма регулирования отношений несостоятельности и о правовых средствах, применяемых для реализации указанного соглашения в деле о банкротстве. Такая ситуация не в последнюю очередь объясняется отсутствием в доктрине доминирующей позиции по поводу правовой квалификации соглашения между кредиторами.

Новизна настоящей работы состоит в том, что автором осуществлено комплексное исследование материально-правовых характеристик соглашения кредиторов о порядке удовлетворения их однородных требований к должнику, а также процессуальных аспектов исполнения соответствующих соглашений в делах о несостоятельности. Рассмотрены правовые средства, направленные на реализацию условий межкредиторских соглашений в рамках банкротных процедур.

Как представляется, кредиторы, заключающие между собой соглашение об изменении очерёдности погашения притязаний к должнику или о непропорциональности распределения удовлетворения, должны располагать эффективными гарантиями исполнения такой сделки в рамках дела о банкротстве. Разумеется, не исключая и процессуальных гарантий.

¹ Dee M. Calligar, Subordination Agreements, 70 Yale L.J. (1961).

² Гуреев В.А. Соглашение кредиторов о порядке удовлетворения их требований к должнику — новелла гражданского законодательства // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 2. С. 20-23.

³ Тяжбин М.Д. Указ. соч.

Обеспечение исполнения межкредиторских соглашений в банкротном процессе — исключительно важный шаг на пути развития российского гражданского права как истинно частного права.

С учётом изложенного настоящее исследование отвечает критерию актуальности.

Степень разработанности темы. Можно отметить, что тема дипломной работы является недостаточно разработанной в отечественной доктрине. Тем не менее вопросы заключения и исполнения сделок о порядке удовлетворения требований к должнику входят в сферу научных интересов таких исследователей, как А.Г. Карапетов¹, В.В. Кулаков², Н.В. Родина³, М.Д. Тяжбин⁴, Е.В. Широкова⁵ и др. Среди представителей зарубежной доктрины можно выделить следующих учёных: Dee M. Calligar⁶, David G. Carlson⁷, G. Gilmore⁸, Lynn M. LoPucki⁹, B. MacDougall¹⁰ и др. Труды указанных авторов использованы при подготовке работы.

С одной стороны, недостаточный объём литературы, содержащей рассуждения о структуре межкредиторских соглашений и правовых средствах, используемых для реализации условий таких сделок в делах о банкротстве, предопределяет научную новизну работы. С другой стороны, опубликованные материалы предоставляют возможность ознакомиться с общим содержанием дискуссии, а также проанализировать основные доктринальные позиции на предмет внутренней (структурной) непротиворечивости и возможности применения в практически-правовой плоскости.

¹ Исполнение и прекращение обязательства: комментарий к статьям 307-328 и 407-419 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание. Редакция 2.0] / Отв. ред. А.Г. Карапетов. — Москва: М-Логос, 2022. — 1496 с. (Комментарии к гражданскому законодательству #Глосса).

² Кулаков В.В. Межкредиторское соглашение как новый вид гражданско-правового договора // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 2. С. 45-50.

³ Родина Н.В. Договорная субординация требований кредиторов в российской юрисдикции: специфика и особенности реализации // Предпринимательское право. 2021. № 3. С. 64-72.

⁴ Тяжбин М.Д. Указ. соч.

⁵ Широкова Е.В. Юридическая конструкция единого консолидированного требования: теоретическая и практическая актуальность // Арбитражный и гражданский процесс. 2024. № 5. С. 3-7.

⁶ Dee M. Calligar. Op. cit.

⁷ David G. Carlson. Op. cit.

⁸ G. Gilmore, Security Interests in Personal Property, vol. 2 (Toronto: Little, Brown, 1965) at 986.

⁹ Lynn M. LoPucki. Сделка без обеспечения (часть первая) // Вестник гражданского права. 2014. № 6. С. 259-278; Lynn M. LoPucki. Сделка без обеспечения (часть вторая) // Вестник гражданского права. 2015. № 1. С. 211-236.

¹⁰ MacDougall, Bruce. Subordination Agreements. Osgoode Hall Law Journal 32.2 (1994): 225-269

Цель работы. Автор преследует цель выработки общего правового механизма реализации условий межкредиторских соглашений в деле о несостоятельности (банкротстве), в том числе определения характеристик процессуальных средств, обеспечивающих исполнение таких соглашений.

Задачи исследования. Для достижения цели работы поставлены следующие задачи: установление содержания норм права, посвящённых межкредиторским соглашениям, изучение практики применения соответствующих нормативных предписаний, в том числе реализации условий соглашений между кредиторами в делах о несостоятельности, ознакомление с научными работами российских и иностранных авторов по вопросам заключения и исполнения соглашений между кредиторами о порядке удовлетворения их требований к должнику, определение круга правовых средств, используемых для реализации положений межкредиторских соглашений в делах о банкротстве, а также формулирование аргументированных выводов относительно правовой природы межкредиторских соглашений.

Методы исследования. Для выполнения приведённых задач автором использованы следующие методы исследования: анализ нормативных правовых актов и актов судебной практики, формально-юридический и сравнительно-правовой (компаративный) методы, методы правового моделирования и исторического исследования и др.

Структура работы. Настоящая работа состоит из введения, основной части и заключения, а также приложений. Основная часть разделена на две главы: глава I состоит из трёх параграфов, глава II состоит из двух параграфов.

Подобное структурирование обусловлено необходимостью раздельного рассмотрения материально-правовых характеристик межкредиторских соглашений (вопрос об их правовой природе рассмотрен в главе I) и процессуальных аспектов исполнения соответствующих соглашений. Так, глава II настоящей работы посвящена рассмотрению консолидации денежных требований кредиторов, являющихся сторонами субординационного

соглашения, и некоторым аспектам реализации условий уравнивающих соглашений в делах о банкротстве.

Заключение обобщает результаты работы и содержит выводы автора по поставленным вопросам. Приложения к работе содержат схемы, отражающие отдельные промежуточные выводы автора по параграфам работы.

Глава I. Соглашение кредиторов о порядке удовлетворения их требований к должнику (межкредиторское соглашение)

§ 1. Понятие и правовая природа межкредиторского соглашения.

Проблема участия должника в межкредиторском соглашении

Общие положения о конфликте обязательственных прав. В силу пункта 1 статьи 309¹ ГК РФ кредиторы одного должника по однородным обязательствам свободны в заключении между собой соглашения о порядке удовлетворения требований к должнику: об очерёдности погашения требований кредиторов или о непропорциональности распределения полученного от должника исполнения.

Право заключить межкредиторское соглашение принадлежит кредиторам по частноправовым обязательствам, отвечающим критерию однородности. Понимание данного признака выработано судебной практикой применительно к статье 410 ГК РФ, регулирующей прекращение обязательства зачётом. Как указано в пункте 12 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации (далее — ВС РФ) от 11.06.2020 № 6 «О некоторых вопросах применения положений Гражданского кодекса Российской Федерации о прекращении обязательств», российское законодательство «...допускает в том числе зачёт активного и пассивного требований, которые возникли из разных оснований»¹, следовательно, признаёт указанные требования однородными.

Наиболее очевидными примерами требуемой однородности являются, несомненно, денежные обязательства и обязательства по передаче бездокументарных ценных бумаг одной категории или типа². При учёте общего правила о денежном характере притязаний к должнику в банкротном процессе

¹ Пункт 12 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 11.06.2020 № 6 «О некоторых вопросах применения положений Гражданского кодекса Российской Федерации о прекращении обязательств» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2020. № 8. С. 15-21.

² Пункт 3 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22.11.2016 № 54 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2017. № 1. С. 14-23.

правильно в дальнейшем сосредоточиться на рассмотрении денежных обязательств.

С теоретической точки зрения допускается заключение соглашения между кредитором по деликтному обязательству и кредитором, чьё притязание основано на договоре с должником. Равным образом не исключено совершение сделки по определению порядка удовлетворения требований регулятивного и охранительного характера. Хотя все перечисленные варианты возможны на практике, в большинстве случаев стороны межкредиторских соглашений заинтересованы в упорядочении осуществления договорных требований к одному и тому же лицу, в том числе вытекающих из них охранительных притязаний.

Поскольку статья 383 ГК РФ ограничивает круг требований, которые могут переходить от одного лица к другому, заключение межкредиторского договора по поводу одного из таких притязаний повлечёт невозможность суброгации требования в пользу кредитора, исполнившего обязательство должника. Применение механизма, предусмотренного пунктом 2 статьи 309¹ и пунктом 5 статьи 313 ГК РФ, в данном случае окажется невозможным. Исходя из этого, соглашение между кредиторами может быть заключено в отношении притязаний, способных к переходу в порядке сингулярного правопреемства.

Право требовать от должника исполнения определённой обязанности по своей природе носит относительный характер и рассматривается изолированно в рамках конкретной связи «должник и кредитор», ввиду чего конфликт между обязательственными правами двух и более кредиторов, по общему правилу, исключён. Однако данное положение не является безусловным, и нужно исходить из принципиальной возможности существования коллимирующих прав (требований) нескольких кредиторов к общему для них должнику.

«При этом сама коллизия <...> понимается как ситуация, при которой исполнение одного обязательства делает частично или полностью невозможным исполнение другого обязательства»¹ — отмечает М.Д. Тяжбин.

¹ Тяжбин М.Д. Указ. соч. С. 37.

Такое положение может сложиться, когда должник несёт обязанности по уплате нескольким кредиторам определённых денежных сумм. При возникновении кризисной ситуации и невозможности своевременного погашения требований всех кредиторов должник может осуществить исполнение в пользу одного из уполномоченных лиц, допустив просрочку по другим требованиям. Например, выбор может быть сделан в пользу лица, санкции за нарушение обязательства перед которым являются наиболее серьёзовыми по сравнению с условиями иных обязательств.

Участник оборота, желающий получить гарантию скорейшего и наиболее полного удовлетворения требования к должнику (далее — бенефициар), может заключить соглашение с другим кредитором (далее — обязанный кредитор¹), в соответствии с которым последний обязуется передать бенефициару полученное от должника исполнение полностью или в определённой части. В этом случае сделка предполагает полное или частичное субординирование требований одного кредитора по отношению к требованиям другого (далее также — субординационное соглашение). Обязанный кредитор, как правило, имеет определённую корпоративную связь с должником, ввиду чего заинтересован в привлечении последним финансирования от независимых кредиторов.

Полное субординирование означает невозможность удовлетворения требований младшего кредитора до полного удовлетворения старшего. Частичное субординирование, в свою очередь, подчиняет требование одного лица требованию другого в определённой части. Говоря о договорном субординировании, Lynn M. LoPucki рассуждает так: «Самое важное же значение субординации как раз и состоит в том, что субординированный кредитор, как правило, не получает полного исполнения. Возможно, это единственный её смысл»².

¹ В таком условном наименовании, конечно, заложено определённое смысловое противоречие: кредитор есть лицо уполномоченное, а не обязанное. Однако при понимании обязательства в узком смысле (как обязанности совершить определённое действие или воздержаться от определённого действия) в рамках межкредиторского соглашения один кредитор по отношению к другому может приобрести статус обязанного лица.

² Lynn M. LoPucki. Сделка без обеспечения (часть первая) // Вестник гражданского права. 2014. № 6. С. 259-278.

С другой стороны, соглашение может предусматривать уравнивание требований, которые в силу закона подлежали бы удовлетворению в разной очерёдности (далее также — соглашение об уравнивании требований). Если очерёдность погашения притязаний одного из кредиторов понижена по какому-либо основанию, обязанность разделить полученное удовлетворение с другим кредитором пропорционально или непропорционально размерам требований ложится исключительно на кредитора, получающего исполнение в первоочередном порядке (такой кредитор будет являться обязанным). Подобные соглашения часто являются эманацией отношений по партнёрскому финансированию определённого проекта, реализуемого должником.

Как представляется, соглашение между кредиторами ориентировано на сценарий несостоятельности должника, поскольку при достаточности имущества у обязанного лица приостановление исполнения обязательств перед кредиторами является временным и обратимым. При учёте общего правила о денежном характере притязаний к должнику в банкротном процессе правильно в дальнейшем сосредоточиться на рассмотрении денежных обязательств.

Межкредиторское соглашение как договор. Использование законодателем в статье 309¹ ГК РФ термина «соглашение» ожидаемо породило дискуссию относительно возможности квалификации межкредиторского соглашения как договора.

Буквальное толкование закона позволяет говорить о том, что договор как юридический факт полностью поглощается понятием «сделка» (пункт 1 статьи 154 ГК РФ). М.И. Брагинский и В.В. Витрянский при этом указывают: «Среди других сделок договор выделяется только одним признаком: он представляет собой двух- или многостороннюю сделку, т.е. соглашение двух или более лиц»¹.

В британском правопорядке сложилось понимание договора как источника обязательств. Так, G. Trietel, выдающийся исследователь

¹ Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Общие положения. 3-е изд., стереотипное. М.: Статут, 2001. Кн. 1. 848 с.

английского договорного права, исходил из следующей дефиниции: «Договор — это соглашение, из которого возникают обязательства, обеспечиваемые или признаваемые законом»¹.

Модельные правила, входящие в Draft Common Frame of Reference (с англ. яз. — Проект общей справочной системы принципов, дефиниций и модельных норм европейского частного права), предлагают так понимать договор: «...соглашение, которое направлено на создание обязательного правоотношения или на возникновение иных правовых последствий. Это двусторонний или многосторонний юридический акт»². При этом термин “juridical act” можно считать аналогом немецкой «юридической сделки»³.

Действительно, соглашение — краеугольный камень любого договорного обязательства, понимаемого в широком смысле, в качестве совокупности прав и обязанностей сторон. Во-первых, соглашение порождает договор только тогда, когда оно отвечает нормативным характеристикам сделки: имеет целью создать, изменить или прекратить гражданские права и обязанности (статья 153 ГК РФ). Во-вторых, согласие должно быть достигнуто сторонами относительно всех существенных условий договора⁴, в противном случае придётся констатировать его незаключённость, то есть юридическое несуществование.

Как полагает Л.Ю. Василевская, «...соглашение не создаёт новое правоотношение, а только может изменить некоторые условия существующего базового правоотношения или прекратить его»⁵. Н.В. Родина развивает эту мысль: «...соглашение по своей правовой природе не всегда является договором, так как не всегда порождает правоотношение. <...> Законодатель [в статье 309¹ ГК РФ] использует термин «соглашение», что терминологически

¹ Sir G. Trietel. The law of contract. Fifteenth edition. 2020. P. 272.

² Principles, Definitions and Model Rules of European Private Law: Draft Common Frame of Reference (DCFR). Outline Edition. Model rules. Art. II.-1:101(1).

³ Резанов Н.В. Односторонние сделки: общие принципы правового регулирования (часть 1) // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2022. № 9. С. 122-139.

⁴ Существенными являются условия о предмете договора, условия, которые названы в законе или иных правовых актах как существенные или необходимые для договоров данного вида, а также все те условия, относительно которых по заявлению одной из сторон должно быть достигнуто соглашение (пункт 1 статьи 432 Гражданского кодекса Российской Федерации).

⁵ Василевская Л.Ю. Договор и соглашение в гражданском праве: критерии разграничения понятий // Юрист. 2017. № 22. С. 9-13.

является верным, так как оно направлено не на возникновение правоотношения, а на изменение порядка исполнения основного (базового) правоотношения»¹. Однако в той же работе автор причисляет рассматриваемое соглашение к числу консенсуальных сделок, к которым применяются правила о моменте заключения договора, его существенных условиях, порядке его расторжения и изменения². Представляется, что в рассуждениях содержится определённое противоречие.

Межкредиторское соглашение порождает такие права и обязанности кредиторов по отношению друг к другу, которых не существовало в правовой действительности до совершения соответствующей сделки. Кроме того, условия соглашения между кредиторами сами по себе не затрагивают «порядок исполнения базового правоотношения», так как не создают обязанностей для должника в силу прямого указания пункта 3 статьи 309¹ ГК РФ. Однако даже в случае, если речь идёт об изменении прав и обязанностей, ничто не мешает квалифицировать соответствующее действие в качестве сделки: она, исходя из буквального толкования статьи 153 ГК РФ, может иметь в том числе правоизменяющий или правопрекращающий характер.

Поскольку в межкредиторском соглашении участвуют не менее двух кредиторов одного лица, соответствующая сделка по определению не может быть односторонней. Из дихотомии «односторонние сделки и договоры» (пункт 1 статьи 154 ГК РФ) с очевидностью следует, что двух- или многосторонняя сделка является договором. *Tertium non datur* (с лат. — «третьего не дано»).

Соглашение между кредиторами порождает обязательства, каждое из которых заключает в себе обязанность одного лица совершить определённое действие (воздержаться от совершения действия) и корреспондирующее ей право другого лица требовать исполнения этой обязанности (пункт 1 статьи 307 ГК РФ). Следовательно, складывается правоотношение, поэтому соглашение

¹ Родина Н.В. Договорная субординация требований кредиторов в российской юрисдикции: специфика и особенности реализации // Предпринимательское право. 2021. № 3. С. 64-72.

² Там же.

между кредиторами должно быть квалифицировано в качестве договора (пункт 1 статьи 420 ГК РФ). В настоящей работе понятия «межкредиторское соглашение» и «межкредиторский договор» используются в синонимичном значении¹.

В иностранной литературе применительно к субординационным соглашениям высказывается такая же точка зрения: «Субординационное соглашение обладает всеми признаками договора: это соглашение между сторонами, которое влияет на их действия в будущем, оно может быть заключено посредством акцепта оферты и отражает намерение создать правовые отношения»².

Более сложный вопрос состоит в том, какие волеизъявления стоят за соответствующей сделкой между кредиторами, направлены ли они исключительно на установление обязательственной связи или заключают в себе также акт (или даже акты) распоряжения правом. Некоторые рассуждения на эту тему будут приведены далее.

Как заметил К.П. Победоносцев, «...договор есть сознательное соглашение нескольких лиц, в котором все они совместно изъявляют свою волю для того, чтобы определить между собой юридическое отношение в личном своём интересе, по имуществу»³.

Вероятно, обязательства с неимущественным содержанием имеют право на существование, однако лаконичное словосочетание «по имуществу» в определении договора, предложенном К.П. Победоносцевым, отнюдь не бессмысленно. В соответствии с пунктом 1 статьи 2 ГК РФ гражданско-правовому регулированию, по общему правилу, подчинены имущественные отношения, вытекающие из действий равных субъектов, обладающих автономией воли и отвечающих критерию имущественной самостоятельности.

¹ Такого же подхода придерживаются некоторые другие авторы. См., например: Буркова А.Ю. Некоторые изменения Гражданского кодекса Российской Федерации с точки зрения российского банковского юриста // Банковское право. 2015. № 6. С. 7-14.

² MacDougall. Op. cit. P. 248.

³ Победоносцев К.П. Курс гражданского права. Часть третья: Договоры и обязательства // Классика российского права <https://civil.consultant.ru>, URL: <https://civil.consultant.ru/elib/books/15/?ysclid=m991jx80d4835176265> (дата обращения: 04.04.2025).

В этом смысле материальный (в смысле имущественный) характер содержания договора, как правило, не вызывает сомнений.

М.М. Агарков высказывался ещё более категорично: «Все общие правила об обязательствах, которые содержатся в ГК и которые так или иначе могут быть привлечены к характеристике содержания обязательств, явно имеют в виду обязательства с имущественным содержанием»¹.

Сказанное в полной мере применимо в отношении межкредиторского соглашения: оно определяет порядок осуществления имущественных прав (требований) к должнику, которые выступают объектами гражданских прав (статья 128 ГК РФ) и охватываются конституционным понятием имущества². Следовательно, межкредиторское соглашение выполняет тест на наличие имущественного интереса и заключается между кредиторами по обязательствам, имеющим частноправовую природу. Этот вывод принципиально важен для определения в дальнейшем круга сторон таких соглашений.

Структура обязательств, возникающих из межкредиторского соглашения. В.В. Кулаков уверен, что «...направленность на координацию совместной деятельности кредиторов по получению исполнения от должника является конституирующими признаком [межкредиторского] соглашения»³. С.А. Хохлов, в свою очередь, относит соглашение между кредиторами к числу организационных договоров⁴. Несмотря на то, что отдельные аспекты организационного характера действительно присущи межкредиторскому договору, позволим себе подойти к решению вопроса с других позиций.

В первую очередь, законодательная конструкция межкредиторского соглашения включает в себя обязательство сторон воздержаться от действий по

¹ Агарков М.М. Обязательство по советскому гражданскому праву. М., 1940. Юридическое издательство НКЮ СССР. С. 39.

² Абзац второй пункта 3 мотивированной части Определения Конституционного Суда Российской Федерации от 16.05.2000 № 8-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений пункта 4 статьи 104 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобой компании «Timber Holdings International Limited» // СЗ РФ. 2000. № 21. Ст. 2258.

³ Кулаков В.В. Межкредиторское соглашение как новый вид гражданско-правового договора // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 2. С. 45-50.

⁴ Хохлов В.А. Общие положения об обязательствах: учебное пособие. М.: Статут, 2015.

получению предоставления в нарушение договорённости с другими кредиторами (обязательство *non facere*). Принимая во внимание правила пункта 3 статьи 307 ГК РФ, соответствующую обязанность следует считать имплицитно присущей соглашению между кредиторами, так как отступление от условий договора является неисполнением обязанности по содействию в достижении цели обязательства, следовательно, должно расцениваться как недобросовестное.

В этой связи возникает непростой вопрос о допустимых пределах распоряжения правом лицом, на котором лежит рассмотренное обязательство по воздержанию от действий. Допустим, кредитор не предъявляет к должнику требования об исполнении обязательства, но принимает решение полностью или в части простить долг. Например, в деле о банкротстве такая сделка может быть оформлена предоставлением скидки с долга при заключении мирового соглашения.

Некоторые авторы придерживаются позиции о том, что содержание отношений в рамках соглашения между кредиторами сходно с договором простого товарищества¹. При принятии этой концепции за основу произвольные действия одного из кредиторов, направленные на прекращение обязательства должника, должны быть запрещены: очевидно, что они препятствуют достижению общей цели, являющейся обязательным признаком товарищества².

Вместе с тем точка зрения о товарищеской природе межкредиторского соглашения может быть подвергнута критике. Например, по условиям сделки только один кредитор может нести обязанность действовать в пользу другого (передавать ему полученное исполнение полностью или в части), что составляет основу субординационных соглашений. Это наводит на ассоциацию с недопустимым *societas leonina* (с лат. — «львиное товарищество»), в котором на одного товарища приходятся все убытки, а на другого — прибыль. Важно,

¹ См., например: Харитонова Ю.С. Указ. соч.

² См.: Горева А.А. Общая цель и внесение вкладов как признаки договора простого товарищества. Дисс. ... канд. юр. наук. М., 2024. 187 с.

что положения межкредиторского договора могут вовсе не предполагать внесения всеми сторонами вкладов в общее дело, без чего нельзя говорить об образовании простого товарищества¹. Кроме того, «...получение удовлетворения с должника в определённой очерёдности никак не подходит на роль единой цели сторон договора»².

Особняком стоят, пожалуй, межкредиторские соглашения по поводу требований к заёмщику по договору синдицированного кредита (займа). Хотя существует дискуссия относительно правовой природы отношений между кредиторами в синдикате, некоторые авторы небезосновательно рассматривают синдицированное кредитование сквозь призму договора о совместной деятельности³.

На вопрос о возможности распоряжения правом требования к должнику следует ответить так: в силу принципа объективной добросовестности сторона соглашения обязана не совершать действий, которые лишили бы обязательство предмета и цели (пункт 3 статьи 307 ГК РФ). В первую очередь, к таким действиям должны быть отнесены любые сделки, направленные на прекращение обязательства должника полностью или в части без согласия бенефициара. В соглашении можно зафиксировать соответствующие негативные обязательства и установить меры ответственности за их нарушение: например, обязанность нарушителя уплатить штраф в размере прекращённого требования к должнику. В отсутствие таких положений бенефициар не лишён права требовать возмещения убытков от обязанного кредитора (абзац второй пункта 1 статьи 393 ГК РФ).

Вместе с тем можно применить другой подход. Говоря о последствиях зачёта встречных требований должника и обязанного кредитора, А.Г. Карапетов предлагает следующее решение: «...в этом случае младший кредитор должен будет на основании п. 2 ст. 309¹ ГК РФ перечислить старшему

¹ А.А. Горева подчёркивает, что вклад необязательно предполагает внесение имущества. Вкладом может быть признана деятельность по управлению делами товарищ: законодательство предусматривает такую конструкцию применительно к управляющему товарищу инвестиционного товарищества.

² Тяжбин М.Д. Указ. соч. С. 82.

³ См., например: Горева А.А. Договор простого товарищества и его виды: российское право в сравнительно-правовом аспекте // Вестник гражданского права. 2020. № 6. С. 30-66.

кредитору соответствующую сумму, как если бы они с должником одновременно обменялись платежами на одну и ту же сумму. Интерес старшего кредитора не страдает, и <...> такие действия, видимо, согласовывать со старшим кредитором не нужно»¹. Представляется, что этот вариант в полной мере соответствует существу зачёта, в результате которого положение сторон не должно отличаться от ситуации прекращения обязательств исполнением².

Конечно, оптимальным способом прекращения любого обязательства является его надлежащее исполнение. Однако все так называемые суррогаты исполнения, по существу, направлены на копирование правового эффекта *solutio*, предусмотренного пунктом 1 статьи 408 ГК РФ. С учётом этого объяснимо наступление аналогичных правовых последствий в случае предоставления должником отступного, осуществления зачёта, новации обязательства или прощения долга. Если обязательство должника прекращено одним из указанных способов, обязанный кредитор должен передать бенефициару то имущество, которое было бы передано в результате надлежащего исполнения обязательства. Данное правило может применяться, если кредиторами не согласовано иное.

Как справедливо заметил М.Д. Тяжбин, при фокусировании на изолированном негативном обязательстве его «...будет слишком легко обойти. Достаточно, чтобы должник исполнил младшему кредитору раньше, чем старшему, и в такой ситуации последний не будет иметь иска об убытках в силу отсутствия факта нарушения»³. По-видимому, понимая, что такая структура соглашения не позволит адекватно защитить интересы кредитора, заинтересованного в скорейшем и (или) преимущественном удовлетворении своего требования к должнику, законодатель предусмотрел в пункте 2 статьи 309¹ ГК РФ обязанность одной стороны передать полученное им от

¹ Исполнение и прекращение обязательства: комментарий к статьям 307-328 и 407-419 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание. Редакция 2.0] / Отв. ред. А.Г. Карапетов. — Москва: М-Логос, 2022. — 1496 с. (Комментарии к гражданскому законодательству #Глосса). С. 471.

² Пункт 12 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 11.06.2020 № 6 «О некоторых вопросах применения положений Гражданского кодекса Российской Федерации о прекращении обязательств» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2020. № 8. С. 15-21.

³ Тяжбин М.Д. Указ соч. С. 54.

должника другой стороне межкредиторского соглашения в соответствии с условиями последнего (обязательство *facere*).

Если кредитор добросовестно исполняет обязательство *non facere*, получение им исполнения «в нарушение условий соглашения между кредиторами» можно понимать не в качестве юридически значимого нарушения обязательства, которое влечёт гражданско-правовую ответственность в соответствии с положениями главы 25 ГК РФ, а как несоответствие фактического имущественного положения тому, которого предполагалось достигнуть.

Скорее всего, именно эта идея воспринята законом, устанавливающим специальное последствие рассмотренной ситуации — обязанность передать полученное от должника управомоченному лицу. Если исполнение обязательства должником невозможно без содействия кредитора, последний вправе и обязан руководствоваться принципом добросовестности и оказать такое содействие¹. В этом случае сторона межкредиторского соглашения не должна считаться нарушившей негативное обязательство, при таком подходе кредитор не рискует оказаться в просрочке (пункт 1 статьи 406 ГК РФ) и вправе принять надлежащее исполнение от должника.

Итак, межкредиторское соглашение включает в себя негативное и позитивное обязательства, совокупность которых составляет основу соглашения о порядке удовлетворения однородных требований к одному лицу. По крайней мере, такая интерпретация *de lege lata* поддержана законодателем.

Обязанный кредитор применительно к правилам статьи 309¹ ГК РФ несёт самостоятельную обязанность выполнить обязательство должника перед бенефициаром, если получит предоставление от должника полностью или в некоторой части и такое предоставление не будет соответствовать условиям межкредиторского соглашения. Как видно, такая обязанность поставлена под

¹ Абзац первый пункта 4 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22.11.2016 № 54 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2017. № 1. С. 14-23.

условие, а размер обязательства кредитора равен размеру полученного удовлетворения, причитающегося бенефициару.

Эти характеристики определяют существо отношений сторон, в то время как разъяснение ВС РФ о возможной ответственности кредитора за неисполнение обязательства должником¹ имеет текстуальную схожесть с регулированием делькредере в рамках комиссии (пункт 1 статьи 993 ГК РФ). Другой вариант — квалификация правоотношений в качестве поручительства². Как будет показано далее, соглашение между кредиторами не отвечает признакам ни одного из указанных договоров.

Действительно, можно выявить некоторую общность межкредиторского соглашения и договора поручительства. Во-первых, как и сторона межкредиторского соглашения, «...поручитель не является должником в основном обязательстве, а исполняет свою собственную обязанность в [согласованном] объёме»³. Во-вторых, поручительство и межкредиторское соглашение имеют акцессорную природу⁴, при этом и поручитель, и сторона соглашения между кредиторами являются третьими лицами по отношению к связи «основной кредитор и должник». Данный вывод принципиально важен для определения последствий получения старшим кредитором полного или частичного удовлетворения своих требований.

К поручителю, исполнившему обязательство, переходят права кредитора по основному обязательству в погашенной части (пункт 1 статьи 365 ГК РФ), то же последствие закон предусматривает в отношении кредитора, передавшего другому кредитору полученное исполнение (пункт 2 статьи 309¹ ГК РФ).

¹ Абзац второй пункта 6 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22.11.2016 № 54 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2017. № 1. С. 14-23.

² Существует точка зрения о том, что делькредере само по себе является разновидностью поручительства. См., например: Кархалев Д.Н. Поручительство в гражданском праве // Вестник арбитражной практики. 2022. № 3. С. 24-30. Однако такое понимание делькредере не признаётся Пленумом Верховного Суда Российской Федерации. См.: пункт 10 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24.12.2020 № 45 «О некоторых вопросах разрешения споров о поручительстве» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2021. № 2. С. 15-23.

³ Абзац второй пункта 1 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24.12.2020 № 45 «О некоторых вопросах разрешения споров о поручительстве» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2021. № 2. С. 15-23.

⁴ См.: Родина Н.В. Субординация требований кредиторов в процессе несостоятельности (банкротства) юридических лиц: монография / под науч. ред. И.В. Фролова. М.: Юстицинформ, 2023. 192 с.

В общем виде данный механизм установлен пунктом 5 статьи 313 ГК РФ, регулирующим исполнение обязательства третьим лицом. Как совершенно справедливо указывает Н.Б. Кашников, «...согласно п. 5 ст. 313 ГК РФ исполнение обязательства третьим лицом тоже приводит к суброгации, а не к возникновению (нового) регрессного требования. В основном обязательство поручителя следует рассматривать именно как третье лицо — для того чтобы относиться к нему как-то иначе, просто нет никаких правовых оснований»¹.

В таком ключе нужно воспринимать обязанного кредитора: по отношению к связи «должник и бенефициар» он является третьим лицом, собственное обязательство которого заключается в доведении до бенефициара имущества, полученного от должника. Подобная обусловленность нетипична для договора поручительства, который, как правило, не содержит ссылок на отношения должника и поручителя.

Равным образом нельзя считать, что кредитор, получающий от обязанного лица исполнение и передающий его другому кредитору, выполняет роль агента или комиссионера. Принципиальное препятствие для такой квалификации состоит в следующем: управомоченное лицо, осуществляющее право требования к должнику и получающее от него исполнение, действует *от своего имени и за свой счёт*. Агентские и комиссионные правоотношения основаны на прямом или косвенном представительстве, чем объясняется возникновение права собственности на приобретённое комиссионером (агентом) имущество непосредственно у комитента или принципала (пункт 1 статьи 996 ГК РФ, статья 1011 ГК РФ).

В то же время регулирование межкредиторских соглашений явно подразумевает, что предоставление в пользу младшего кредитора прекращает обязанность должника перед данным лицом. Во-первых, такая конструкция исключает использование модели поручения. Во-вторых, доведение полученного имущества до бенефициара становится обязанностью кредитора,

¹ Кашников Н.Б. Обратное требование поручителя: регресс, суброгация // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2022. № 3. С. 137-173.

которую он исполняет за собственный счёт. Сказанное означает, что в структуре рассматриваемого соглашения не находится места посредническим договорам.

Исходя из этого, следует поддержать мнение М.Д. Тяжбина: «По смыслу диспозитивного правила п. 2 ст. 309¹ ГК РФ <...>, платёж должника младшему кредитору прекращает обязательство младшего, поэтому по крайней мере *de lege lata* по умолчанию видеть в младшем кредиторе юридического посредника неправильно»¹.

Тем более не может быть поддержано разъяснение о праве бенефициара требовать передачи ему права требования к должнику в случае неисполнения последним своего обязательства². По существу, это указание представляет собой дубликацию правил о договоре комиссии (пункт 2 статьи 993 ГК РФ). Разделим позицию В.В. Витрянского о том, что данное разъяснение «...не основано на законе <...>, где установлена обязанность кредитора передать другому кредитору в соответствии с условиями соглашения лишь полученное от должника исполнение обязательства, но никак не права по этому обязательству»³. Строго говоря, сама по себе допустимость использования договора комиссии для взыскания долга не признаётся рядом отечественных учёных⁴.

Рассмотрим ситуацию, при которой обязанный кредитор устремляется от исполнения транзитной функции и переадресует исполнение в пользу бенефициара по правилам статьи 312 ГК РФ. Складывается следующая ситуация: осуществление предоставления в пользу старшего кредитора прекращает не только обязательство должника, но и обязанность одного кредитора передать имущество другому. Однако правила пункта 5 статьи 313 и

¹ Тяжбин М.Д. Указ. соч. С. 57.

² Абзац второй пункта 6 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22.11.2016 № 54 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2017. № 1. С. 14-23.

³ Витрянский В.В. Указ. соч.

⁴ Разъяснение относительно возможности использования договора комиссия для взыскания долга по договору не попало в информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 17.11.2004 № 85 «Обзор практики разрешения споров по договору комиссии». См.: Обсуждение проблемных вопросов договора комиссии // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2004. № 8. С. 187-191.

пункта 2 статьи 309¹ ГК РФ предполагают суброгацию в случае исполнения обязательства третьим лицом, тогда как *de facto* бенефициар получает предоставление от своего должника.

В связи с этим следует согласиться с С.В. Сарбашом: «...возникает вопрос о так называемой юридической секунде и возможности квалификации отношений либо в качестве непосредственного приобретения права собственности на вещь третьим лицом от должника, либо опосредованной, т.е. от кредитора. Последнее решение нам видится более верным и с практической точки зрения может оказаться немаловажным, например, в отношениях, осложнённых банкротством»¹.

Бенефициар, *de facto* принимая исполнение обязательства от должника, *de iure* приобретает право на имущество от обязанного кредитора. Обязательство последнего по доведению полученного предоставления до другого кредитора прекращается надлежащим исполнением (пункт 1 статьи 408 ГК РФ), а обязанный кредитор приобретает право требования к должнику в порядке суброгации. При этом суброгат во всяком случае не вправе осуществлять свои права во вред основному кредитору (принцип *nemo subrogat contra se*).

С учётом сказанного запрет совершать действия, направленные на получение от должника исполнения в нарушение условий соглашения между кредиторами, следует подвергнуть телеологической редукции. Если обязанный кредитор требует от должника осуществить предоставление и при этом указывает на необходимость исполнения обязательства в пользу бенефициара, сторона не должна считаться нарушившей обязательство. Данный вывод особенно релевантен в отношении соглашений об уравнивании требований.

Таким образом, существование законодательного регулирования межкредиторских соглашений состоит в том, что наступление обязанности по передаче имущества бенефициару поставлено под условие удовлетворения должником требования обязанного кредитора (статья 327¹ ГК РФ). Обязанность

¹ Сарбаш С.В. Исполнение договорного обязательства. М.: Статут, 2005. 636 с.

последнего передать полученное предоставление при наступлении данного обстоятельства носит самостоятельный характер, однако размер долга детерминирован исполнением, полученным от должника.

Так, по условиям межкредиторского соглашения кредитор может нести обязанность передать всё полученное от должника имущество или распределить исполнение между собой и бенефициаром в установленных пропорциях. Если же размер имущественной обязанности превышает размер полученного кредитором или соглашение не содержит указания на обусловленное исполнение обязательства по передаче имущества бенефициару, соответствующий договор разумно квалифицировать в качестве договора поручительства.

Перечисленные характеристики межкредиторского соглашения являются конститутивными. В то же время стоит признать заслуживающей внимания точку зрения о том, что «...обязательство воздерживаться от предъявления требования может быть изъято из конструкции без особых трудностей. В таком случае младший кредитор будет обязан передать всё полученное для удовлетворения старшего, даже если сам потребовал исполнения в свою пользу»¹.

Стороны межкредиторского соглашения. Участие должника в межкредиторском соглашении. Рассмотрев структуру обязательства, возникающего из соглашения между кредиторами, стоит определить круг сторон такого соглашения. Отдельное внимание уделим вопросу об участии должника в межкредиторском договоре.

Относительность обязательства и невозможность противопоставить его условия третьим лицам является не только нормативным положением пункта 3 статьи 308 ГК РФ, но и «центральной идеей обязательственного права»². Пункт 3 статьи 309¹ ГК РФ ожидаемо отражает указанный принцип, признавая

¹ Тяжбин М.Д. Указ. соч. С. 55.

² Ширвиндт А.М. Beneficium cedendarum actionum в современном контексте // Римское частное и публичное право: Многовековой опыт развития европейского права: материалы заседаний IV Междунар. конф. по римскому праву, Москва-Иваново (Сузdalь), 25-30 июня 2006 г. Иваново, 2006. С. 242.

положения межкредиторского соглашения необязательными для должника, не являющегося стороной такого соглашения.

Законодательное регулирование соглашений между кредиторами не содержит запрета на участие должника в договоре, и судебная практика знакома с ситуациями, при которых обязанное лицо выступает стороной межкредиторского соглашения¹. Однако «...что если кредиторы подключат должника к <...> соглашению и прямо договорятся о том, что при банкротстве должника один из кредиторов будет иметь приоритет перед другим в рамках тех долей, которые будут приходиться на них при распределении средств, вырученных от реализации имущества должника на стадии конкурсного производства?»². Будут ли условия сделки в таком случае обязательны для арбитражного управляющего?

Н.В. Родина, отвечая на этот вопрос, указывает: «...в случае если должник является участником такого соглашения, оно не прекращает своё действие в случае введения в отношении должника процедуры банкротства, и распределение денежных средств должно происходить с учётом заключённого соглашения»³.

Начнём с того, что по смыслу статьи 309¹ ГК РФ сущность межкредиторского соглашения состоит в определении кредиторами порядка осуществления принадлежащих им требований к одному лицу. Достижение согласия по указанному вопросу определяется совпадением волеизъявлений управомоченных лиц, при этом презюмируется, что волеизъявление соответствует воле субъекта. При включении должника в состав участников договора природа сделки не изменяется: как субординационные соглашения, так и соглашения об уравнивании требований касаются удовлетворения притязаний к должнику. Следовательно, воля последнего не имеет значения для

¹ См., например: Постановление Арбитражного суда Московского округа от 25.01.2023 № Ф05-34803/2021 по делу № А40-61908/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

² Карапетов А.Г., Павлов А.А., Сарбаш С.В., Сулейманов Р.У. Комментарий к Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 22.11.2016 № 54 «О некоторых вопросах применения общих положений ГК РФ об обязательствах и их исполнении» // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2017. № 3. С. 87-183. Комментарий к пункту 4 (автор комментария — А.Г. Карапетов).

³ Родина Н.В. Субординация требований кредиторов в процессе несостоятельности (банкротства) юридических лиц: монография / под науч. ред. И.В. Фролова. М.: Юстицинформ, 2023. 192 с.

заключения, изменения или расторжения межкредиторского соглашения применительно к правилам статьи 309¹ ГК РФ.

В таком же ключе рассуждает Н.В. Родина: «Возможность заключения субординационного соглашения обусловлена волеизъявлением носителей материальных прав требования, то есть кредиторов. Участие же должника в такого рода соглашении является необязательным»¹.

Вместе с тем сказанное не означает, что участие обязанного лица в сделке бессмысленно. Во-первых, можно включить в межкредиторское соглашение положение об обязанности должника воздержаться от удовлетворения требований обязанного кредитора до полного или частичного удовлетворения требований бенефициара. Данное условие — «брат-близнец» соответствующего обязательства кредитора, который не должен совершать действий по истребованию долга от обязанного лица в нарушение соглашения. Если межкредиторский договор закрепляет совокупность названных обязанностей, возможна квалификация соответствующих пунктов в качестве дополнительного соглашения между должником и обязанным кредитором о постановке исполнения обязательства под потестативное условие в виде погашения требований бенефициара (статья 327¹ ГК РФ).

На практике сама необходимость заключения субординационного соглашения зачастую вытекает из ковенант кредитного договора должника с банком. Например, в деле о банкротстве общества с ограниченной ответственностью «Московская ситценабивная фабрика» (дело № А40-101308/2023) суд апелляционной инстанции указал: «...ПАО Сбербанк отдельно установил обязанность ООО «МСНФ» обеспечить субординацию, то есть обеспечение выполнения условия о том, что обязательства Заемщика по полному погашению кредита по Договору должны быть исполнены ранее погашения обязательств по займам, привлечённым от связанных с Заемщиком лиц»².

¹ Там же.

² Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 20.06.2024 № 09АП-19581/2024 по делу № А40-101308/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

Если исполнение обязательства между обязанным кредитором и должником поставлено под условие погашения требования другого лица, это не означает, что в первом случае произошла новация, поскольку сторонами не определены ни новый предмет, ни новое основание обязательства (абзац первый пункта 22 постановления Пленума ВС РФ от 11.06.2020 № 6 «О некоторых вопросах применения положений Гражданского кодекса Российской Федерации о прекращении обязательств»¹). Исходя из этого, нарушение должником негативного обязательства и осуществление предоставления в пользу обязанныго кредитора требует передачи полученного бенефициару (пункт 2 статьи 309¹ ГК РФ). При учёте существа законодательного регулирования межкредиторских соглашений такой вывод представляется единственно верным.

Во-вторых, подписание должником договора между кредиторами может говорить об ознакомлении с волей обязанныго кредитора о переадресации исполнения в пользу бенефициара по правилам статьи 312 ГК РФ. В рамках субординационного соглашения раскрытие должнику информации о «старшинстве» требований может рассматриваться как указание залогодателя об исполнении обязательства в пользу держателя обеспечения (статья 358⁴ и пункт 1 статьи 358⁶ ГК РФ). Должник уведомляется об этом по правилам пункта 1 статьи 385 ГК РФ.

В рассматриваемой ситуации роль обязанныго лица сводится к тому, чтобы подтвердить получение сведений о порядке исполнения обязательства перед кредитором. С учётом этого предоставление в пользу обязанныго кредитора будет исключено, а временные издержки по доведению исполнения до бенефициара сократятся.

В-третьих, участие должника в соглашении между кредиторами может отражать наличие отношений покрытия между обязанным кредитором и должником. Такие отношения, в свою очередь, способны нивелировать интерес

¹ Абзац первый пункта 22 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 11.06.2020 № 6 «О некоторых вопросах применения положений Гражданского кодекса Российской Федерации о прекращении обязательств» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2020. № 8. С. 15-21.

суброгата в получении исполнения по перешедшему к нему требованию. В частности, закон не ограничивает сторон в возможности своим соглашением исключить суброгацию требования бенефициара к обязанному кредитору.

Как видно, участие должника в межкредиторском соглашении не затрагивает сущностное содержание сделки: воля обязанного лица сама по себе юридически иррелевантна для определения кредиторами порядка осуществления прав требования по обязательствам должника. Строго говоря, последний вовсе не должен именоваться «стороной межкредиторского соглашения», если речь идёт о договоре, конструкция которого предусмотрена статьёй 309¹ ГК РФ. Однако это не значит, что подпись должника в соглашении не имеет правового значения.

Так, должник и обязаный кредитор могут изменить параметры обязательства между ними, например, поставив его исполнение под условие удовлетворения требований бенефициара. Данная модель оформляет негативное обязательство должника воздержаться от удовлетворения обязанного кредитора до погашения притязания бенефициара. Равным образом должник может быть ознакомлен с порядком исполнения обязательства перед кредитором, в частности, с его указаниями о переадресации исполнения. По существу, в этом случае налицо изменение требований к надлежащему исполнению обязательства между обязанным кредитором и должником.

Таким образом, межкредиторское соглашение как документ может содержать в себе иные сделки между кредиторами и должником¹, но для заключения соглашения о порядке удовлетворении требований к должнику значение имеет исключительно воля управомоченных лиц, имеющих соответствующие притязания. По этой причине неучастие должника в межкредиторском соглашении не может обосновать отказ в признании правового эффекта данного договора в банкротном процессе, тем более что «...сама процедура, если она уже находится на стадии конкурсного

¹ См., например: Буркова А.Ю. Межкредиторское соглашение в банковской практике // Право и экономика. 2015. № 9. С. 67-70.

производства, направлена на максимальное удовлетворение требований кредиторов, поэтому странно не учитывать их волю»¹.

К положениям межкредиторского договора, в котором участвует должник, правила статьи 309¹ ГК РФ должны применяться в той части, в которой устанавливается порядок осуществления прав к должнику и определяются права и обязанности кредиторов по отношению друг к другу. Фиксация договорённостей об изменении параметров обязательства между должником и кредитором, а также подтверждение должником ознакомления с порядком исполнения обязательства требует применения соответствующих норм гражданского законодательства, кроме статьи 309¹ ГК РФ.

Промежуточные выводы²

1. Соглашение о порядке удовлетворения требований к должнику, предусмотренное статьёй 309¹ ГК РФ, является двух- или многосторонним договором, который заключается между кредиторами одного должника по однородным обязательствам. Межкредиторское соглашение является законным поименованным договором, который не предполагает применение к нему, в частности, правил о договоре комиссии или о договоре простого товарищества. Разумеется, сказанное не исключает существования ситуаций, когда регулирование других договорных типов может применяться в порядке аналогии закона (пункт 2 статьи 6 ГК РФ).

2. В рамках межкредиторского соглашения кредитор обязуется воздержаться от действий по получению от должника исполнения в нарушение условий соглашения (негативное обязательство) и передать бенефициару приобретённое от должника имущество, если получение удовлетворения не соответствует согласованным кредиторами положениям (позитивное обязательство). В зависимости от порядка распределения полученного исполнения соглашение между кредиторами может быть субординационным или уравнивающим.

¹ Тяжбин М.Д. Указ. соч. С. 75.

² См. схему 1 в приложении № 1 к настоящей работе.

3. Сторонами межкредиторского соглашения могут быть исключительно кредиторы по однородным гражданско-правовым обязательствам. Факт участия или неучастия должника в соглашении юридически безразличен для заключения соглашения между кредиторами и признания его правового эффекта. Исходя из этого, подписание договора обязанным лицом не может признаваться обязательным условием исполнения межкредиторского соглашения в рамках процедур банкротства.

4. С одной стороны, участие должника в соглашении между кредиторами может оформлять изменение некоторых параметров обязательства перед обязанным кредитором. С другой стороны, должник может подтверждать получение указаний о порядке исполнения обязательства, например, о переадресации исполнения по правилам статьи 312 ГК РФ, в том числе об исполнении требования в пользу залогодержателя обязательственного права (статья 358⁶ ГК РФ).

§ 2. Соглашение о субординировании требования одного кредитора по отношению к требованию другого как вид межкредиторского соглашения

Общие положения о субординировании требований.

Субординирование, или субординация (от лат. *subordinatio* — подчинение) требования означает понижение очерёдности его удовлетворения перед притязаниями отдельного кредитора, нескольких кредиторов или всех других кредиторов должника. Управомоченное лицо, чьё требование субординировано, приобретает статус обязанного, или младшего кредитора, а бенефициар субординации — статус старшего кредитора. Данный аспект становится чрезвычайно актуальным при наступлении несостоятельности должника, возможность которой чаще всего и подталкивает участников оборота к совершению субординационных сделок.

Механизм субординирования применяется исключительно при наличии правового основания: им может выступать указание закона о понижении очерёдности удовлетворения определённого требования или соответствующее условие соглашения с участием кредитора, требование которого подлежит субординированию. В первом случае речь идёт о законном субординировании, обусловленном юридическими свойствами притязания или поведением управомоченного лица [например, при несвоевременном предъявлении требования к должнику (пункт 4 статьи 142 Закона о банкротстве)].

Как полагает Е.В. Широкова, «...юридической целью гражданского-правового механизма субординации требований кредиторов в деле о банкротстве корпораций является урегулирование на справедливой основе конфликта интересов участников дела о банкротстве, а также обеспечение защиты прав и законных интересов должника и кредиторов, при реализации кредиторами в деле о банкротстве принадлежащих им прав»¹.

¹ Широкова Е.В. Гражданско-правовой механизм субординации требований кредиторов при банкротстве корпорации. Автореферат дисс. ... канд. юр. наук. Ульяновск, 2021. 28 с.

Основанием добровольного субординирования, в свою очередь, выступает соглашение сторон. Последнее заключается чаще всего с целью упрочения положения старшего кредитора по отношению к младшему, при этом субординированный кредитор соглашается понизить очерёдность погашения своего требования при наличии заинтересованности в привлечении должником внешнего финансирования.

Чрезвычайно важно, что основание понижения очерёдности удовлетворения требования предопределяет характер субординирования. Если законное субординирование осуществляется *erga omnes*, то механизм договорного понижения очерёдности применяется только в отношении участвующих в соглашении кредиторов, что вытекает из принципа относительности обязательств. Конечно, мыслима ситуация, при которой одно из управомоченных лиц согласится сделать бенефициарами субординирования всех кредиторов¹, однако законодательная модель межкредиторского соглашения всё же подразумевает необходимость установить совместную волю участников сделки — кредиторов. Об этом будет сказано далее в контексте субординированного займа.

Можно говорить о том, что положения статьи 309¹ ГК РФ направлены преимущественно на регулирование межкредиторских договоров о субординировании требований одного кредитора по отношению к требованию другого или требованиям других. В практически-правовой плоскости этот тип соглашений получил наиболее широкое распространение, что объяснимо значительным потенциалом сделки как специфического способа обеспечения исполнения обязательства.

Правовая система США знакома с субординационными соглашениями по крайней мере с первой четверти XX века. Интерес правоведов к таким сделкам непосредственно связан с присущим им банкротным эффектом, то есть

¹ Некоторые авторы приводят в качестве примера заключение договора субординированного займа, когда волеизъявление на субординацию *erga omnes* содержится в договоре между должником и кредитором. См., например: Исполнение и прекращение обязательства: комментарий к статьям 307-328 и 407-419 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание. Редакция 2.0] / Отв. ред. А.Г. Карапетов. — Москва: М-Логос, 2022. — 1496 с. (Комментарии к гражданскому законодательству #Глосса). С. 497.

влиянием соглашения на порядок распределения между кредиторами денежных средств от реализации имущества, входящего в конкурсную массу. Сложившаяся в американской доктрине концепция «двойных дивидендов» (англ. яз. — “double dividends”) предполагает, что при распределении активов должника старший кредитор (бенефициар) получит не только долю, пропорциональную своему требованию, но и долю, падающую на младшего (обязанного) кредитора.

«Очевидно, что субординационные соглашения не порождают правовых последствий в условиях достаточности денежных средств у должника, а в ситуации неплатёжеспособности становятся наиболее эффективным средством регулирования правоотношений сторон, определяя очерёдность получения денежных средств кредиторами, заключившими такое соглашение»¹ — полагает Н.В. Родина.

Для понимания того, что представляет из себя субординирование требования, нужно углубиться в американскую научную литературу. Dee M. Calligar разделял субординирование на “inchoate” (незавершённое) и “complete” (завершённое)². В первом случае триггером субординирования является наступление неплатёжеспособности должника, открытие в отношении него процедур банкротства, наступление просрочки по обязательству должника перед старшим кредитором или другое согласованное сторонами событие. Во втором случае погашение требований младшего кредитора до полного удовлетворения притязаний старшего не допускается с момента заключения субординационного соглашения, если иное не предусмотрено договором. Позднее B. MacDougall называл указанные два типа “contingent subordination” (условное субординирование) и “absolute subordination” (абсолютное субординирование)³.

¹ Родина Н.В. Договорная субординация требований кредиторов в российской юрисдикции: специфика и особенности реализации // Предпринимательское право. 2021. № 3. С. 64-72.

² Dee M. Calligar. Op. cit. Pp. 377-378.

³ MacDougall. Op. cit. P. 229.

Для нас более интересно деление на общее и частное субординирование, схожие понятия устоялись в немецкой доктрине: соответственно “allgemeine subordination” и “spezifische subordination”¹.

Очевидно, что данная классификация непосредственным образом связана с вопросом о том, подчинено ли младшее требование притязанию конкретного лица или притязаниям неопределенного круга лиц — всех потенциальных кредиторов должника. Однако в правопорядке США она (классификация) привязана также к моменту, с которого субординационное соглашение приобретает правовой эффект (соответственно к моменту открытия банкротных процедур или к моменту заключения соглашения). Модель субординирования «в отношении всех» известна российскому законодательству по конструкции субординированных кредитов (депозитов и займов, в том числе облигационных), предусмотренной статьёй 25¹ Федерального закона от 02.12.1990 № 395-1 «О банках и банковской деятельности»² (далее — Закон о банках).

В силу взаимосвязанных положений части 7 статьи 25¹ Закона о банках и абзаца седьмого пункта 4 статьи 134 Закона о банкротстве требования держателей субординированных облигаций в деле о банкротстве подлежат удовлетворению после погашения притязаний всех иных кредиторов. Такое субординирование не связано с заключением межкредиторского соглашения: отношения возникают между заёмщиком (кредитной организацией) и заемодавцем, тогда как имущественной выгодой пользуются иные кредиторы должника. Можно было бы говорить о заключении своеобразного договора в пользу третьего лица с той оговоркой, что ни одно другое лицо не приобретает право требовать исполнения по субординированному долгу (пункт 1 статьи 430 ГК РФ). Вероятнее всего, на практике обязательство перед субординированным

¹ Mayer Chr. Der vertragliche Nachrang von Forderungen: Über Rechtsnatur und Rechtsfolgen der Forderungssubordination bei Nachrangdarlehen, Finanzplankredit, Mezzanine-Finance und Rangrücktritt // Diss. Mainz, 2007. URL: <https://openscience.ub.uni-mainz.de/bitstream/20.500.12030/2886/1/3848.pdf>. S. 17-21.

² Статья 25¹ Федерального закона от 02 декабря 1990 г. № 395-1 «О банках и банковской деятельности» (с изм. и доп. от 28 февраля 2025 г. № 18-ФЗ) // СЗ РФ. 1996. № 6. Ст. 492; СЗ РФ. 2025. № 9. Ст. 847.

кредитором будет считаться погашенным по причине недостаточности имущества должника (абзац третий пункта 9 статьи 142 Закона о банкротстве).

Кроме этого, в рассматриваемой модели эффект субординирования требования наступает по отношению ко всем притязаниям к должнику, в том числе к тем из них, которые имеют публично-правовую природу. В первую очередь речь идёт о требованиях уполномоченного органа об уплате обязательных платежей.

Таким образом, субординирование требования «в отношении всех» является сущностной характеристикой поименованного в законе договора — субординированного кредита (займа) или депозита. В данном случае субординирование осуществляется *ex lege*, в силу прямого указания закона, а долг изначально возникает в субординированном формате. Договорный элемент субординации можно усмотреть только в волеизъявлении на совершение соответствующей сделки, которое отражает согласие на субординирование требований в банкротных процедурах.

Н.В. Родина указывает: «Субординационное соглашение может быть направлено только на изменение очерёдности удовлетворения требований кредиторов, но в отличие от законной субординации не может влиять на характер требования»¹. Проблема, однако, заключается в том, что вопрос о характере требования по субординированному кредиту не разрешён однозначно.

С одной стороны, облигационный заём — это правовая конструкция, известная гражданскому законодательству (пункт 4 статьи 807 ГК РФ). Тем более, закон допускает существование субординированного долга в такой форме. С другой стороны, рассматриваемое заёмное отношение «...предполагает смешанный вид инвестирования, схожий по своей природе со взносом в уставный капитал банка»². Обязательство из субординированного

¹ Родина Н.В. Договорная субординация требований кредиторов в российской юрисдикции: специфика и особенности реализации // Предпринимательское право. 2021. № 3. С. 64-72.

² Алексеева Д.Г., Пешкова (Белогорцева) Х.В., Рождественская Т.Э., Демьянец М.В., Пушкин А.В., Решетина Е.Н., Рябова Е.В., Холкина М.Г., Чернусь Н.Ю., Шпинев Ю.С., Котухов С.А. Комментарий к

кредита остаётся гражданско-правовым, но обладает существенными особенностями, что серьёзно сближает его с требованиями владельца привилегированных акций¹. По этой причине притязание заемодавца по рассматриваемому договору подлежит погашению после удовлетворения требований всех кредиторов, тогда как корпоративные требования вовсе не учитываются в банкротном процессе².

В рамках темы работы нас интересует относительное субординирование. Оно основано на соглашении между кредиторами одного должника о том, что один из кредиторов (младший) не получит удовлетворение своего требования до тех пор, пока обязанное лицо не погасит долг перед старшим кредитором полностью или в оговорённой части. Как тонко заметил G. Gilmore, субординационные соглашения могут быть «...настолько разнообразными, насколько хватит сообразительности и воображения сторон»³.

Например, на практике встречается следующая модель кредитования: по кредитному договору с банком заемщик принимает на себя обязательство не привлекать заемные средства ни от кого, кроме кредитной организации и аффилированных с должником лиц. При этом требования последних должны подлежать удовлетворению на условиях субординирования по отношению к притязаниям банка. Как верно отметила Судебная коллегия по экономическим спорам ВС РФ в деле о банкротстве закрытого акционерного общества «СК «Внуково» (дело № А40-174540/2021), «...договорённость между банком и должником о понижении заемов, привлечённых последним от заинтересованных по отношению к нему лиц, сама по себе не создаёт обязанностей для лиц, не участвующих в этом соглашении <...>. В связи с этим предусмотренное кредитным договором положение о субординации заемов

Федеральному закону от 02.12.1990 № 395-1 «О банках и банковской деятельности» (постатейный). Комментарий к части 7 статьи 25¹ (автор комментария — Н.Ю. Чернусь) // СПС «КонсультантПлюс».

¹ На принципиальную допустимость такой аналогии указывает, в частности, И.Н. Махалин. См.: Заем, кредит, факторинг, вклад и счёт: постатейный комментарий к статьям 807-860¹⁵ Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание. Редакция 1.0] / Отв. ред. А.Г. Карапетов. — Москва: М-Логос, 2019. — 1282 с. (Комментарии к гражданскому законодательству #Глосса). С. 231.

² См., например: определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 03.04.2025 № 305-ЭС24-22635 по делу № А41-33349/2024 // СПС «КонсультантПлюс».

³ G. Gilmore. Op. cit.

аффилированных лиц приобретает юридическую силу только после согласия (акцепта) заемодавца предоставить денежные средства на таких условиях»¹.

Если речь идет об акцепте, условие о необходимости субординирования требований иных кредиторов при ознакомлении с ним аффилиированного лица, вероятно, следует считать предложением о заключении соглашения между кредиторами. Суды ВС РФ косвенно подтверждают эту позицию: «Подобное условие может рассматриваться как действие, направленное на заключение соглашения между кредиторами о порядке удовлетворения их требований к должнику»². Если аффилиированное лицо осведомлено об условиях кредитного договора должника с банком, что чаще всего презюмируется, выдача займа должнику похожа на акцепт конклюдентными действиями применительно к правилам пункта 3 статьи 438 ГК РФ.

Младший кредитор может согласиться на субординирование конкретного требования или всех требований к должнику, в том числе будущих, ограничить круг субординированных притязаний определенными основаниями или периодом возникновения. Теоретически возникновение прав и обязанностей по такой сделке может быть обусловлено просрочкой исполнения старшего требования или возбуждением в отношении должника дела о несостоятельности. В то же время лучшим образом интересы старшего кредитора будут защищены при выборе модели “complete subordination”, если младший кредитор изначально обязуется воздерживаться от получения исполнения до удовлетворения требований старшего кредитора, а также передавать последнему полученное от должника имущество.

На первый взгляд, описанная схема не является сложной, однако вызывает ряд вопросов, связанных со структурой правовых отношений между кредиторами.

Правовая природа субординационного соглашения. В доктрине приводится несколько подходов к определению природы субординационного

¹ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 25.09.2023 № 305-ЭС23-4897(3) по делу № А40-174540/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

² Там же.

соглашения, предлагаются самые разные варианты квалификации. Для того чтобы выбрать один из них, нужно определиться с заданными законодателем параметрами межкредиторского договора о порядке удовлетворения требований к общему должнику.

Во-первых, такая сделка не изменяет обладателя материально-правового требования, на что справедливо обращает внимание Н.В. Родина¹. Разъяснения Пленума ВС РФ ещё более однозначно отражают эту идею: «К уступке требования, совершенной кредиторами одного должника между собой, положения статьи 309¹ ГК РФ не применяются»².

Во-вторых, как указано выше, обязанности по межкредиторскому соглашению стороны исполняют за свой собственный счёт, чем обусловлена невозможность применения норм о посреднических договорах (главы 49, 51-52 ГК РФ) к отношениям сторон по модели соглашения между кредиторами. Нужно понимать, что суд вправе квалифицировать отношения сторон в качестве договора поручения, комиссии или агентского договора³, однако в таком случае речь не идёт о договоре, урегулированном статьёй 309¹ ГК РФ.

В-третьих, межкредиторское субординационное соглашение закрепляет совокупность негативного обязательства младшего кредитора воздержаться от получения исполнения по своему требованию до погашения притязания бенефициара и позитивного обязательства младшего управомоченного лица передать старшему имущество, полученное от должника в нарушение условий соглашения. При этом такая передача влечёт переход соответствующих требований старшего кредитора к младшему, следовательно, применяется принцип *nemo subrogat contra se*.

Конечно, центральной распорядительной сделкой, совершающей в отношении обязательственного права, является цессия. При этом важно

¹ Родина Н.В. Договорная субординация требований кредиторов в российской юрисдикции: специфика и особенности реализации // Предпринимательское право. 2021. № 3. С. 64-72.

² Пункт 8 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22.11.2016 № 54 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2017. № 1. С. 14-23.

³ Абзац первый пункта 6 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22.11.2016 № 54 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2017. № 1. С. 14-23.

различать соглашение, лежащее в основе уступки права, и саму уступку как распорядительный акт (пункт 1 Обзора практики применения арбитражными судами положений главы 24 ГК РФ от 30.10.2007¹). Сказанное, казалось бы, не исключает возможности рассматривать межкредиторское соглашение в качестве основания цессии. В зарубежной доктрине находит поддержку идея о субординировании как уступке права на получение так называемых банкротных дивидендов (англ. яз. — “assignment of bankruptcy dividends”)².

Строго говоря, при уступке требования к должнику младший кредитор утрачивает статус управомоченного лица. Из этого с очевидностью следует, что должник исполняет обязательство перед старшим кредитором, а не перед младшим, следовательно, в схеме отсутствует третье лицо, исполняющее обязательство за должника. Таким образом тогда обеспечивается интерес младшего кредитора в приобретении требования старшего? Наиболее вероятный вариант — обусловленная уступка старшего притязания, распорядительный эффект которой наступает при погашении должником требования, ранее уступленного младшим кредитором.

Описанная схема решает ряд сложных вопросов, в первую очередь, связанных с пассивной позицией младшего кредитора в банкротных процедурах и установлением его требования в реестре. Вместе с тем есть серьёзное возражение против такой квалификации. В приведённой модели должник исполняет обязательство перед старшим кредитором, так как последний является обладателем притязания, что отражает перемену лица в обязательстве. Значит, первое условие не выполняется: сменился носитель обязательственного права. Очевидно, что действующее законодательное регулирование, как верно отметил В.В. Витрянский, предполагает передачу старшему кредитору не прав по сделке, а лишь *полученного* от должника, если условиями соглашения между кредиторами предусмотрен специальный порядок распределения исполнения.

¹ Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 30.10.2007 № 120 «Обзор практики применения арбитражными судами положений главы 24 Гражданского кодекса Российской Федерации» // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2008. № 1. С. 60-87.

² См., например: David G. Carlson. Op. cit. P. 983.

В германской доктрине можно встретить взгляд на субординаирование как на прощение долга под отменительным условием в виде погашения требования старшего кредитора¹. Вместе с тем такая позиция представляется крайне спорной, потому что означает неизбежное возникновение трудностей при включении притязания младшего кредитора в реестр требований. Скорее всего, заявление младшего кредитора будет предъявлено в суд по закрытии реестра требований, что означает практически полную утрату шансов на погашение притязания. Конструкция прощения долга в пользу третьего лица также не нашла поддержки в практике судов ФРГ², поскольку правила § 328 Германского гражданского уложения закрепляют обязательственную модель сделки, тогда как освобождение должника от лежащей на нём обязанности рассматривается в качестве распорядительного акта.

Равным образом следует отвергнуть рассмотрение соглашения о субординации как специфической формы траста, так как российские правила о доверительном управлении исходят из недопустимости доверительного управления деньгами, хотя данное правило и имеет ряд исключений (пункт 2 статьи 1013 ГК РФ).

В американской литературе встречаются другие варианты квалификации. Рассуждая о природе соглашения между кредиторами, Dee M. Calligar считает наиболее логичным и потому заслуживающим поддержки понимание межкредиторского соглашения как договора, исполнение которого должно быть обеспечено судом³. Любопытно, что автор допускает возможность осуществления относительного субординаирования посредством одностороннего волеизъявления кредитора, соглашающегося на субординацию. Автор называет такую сделку односторонним договором (англ. яз. — “unilateral contract”), что в рамках российского регулирования звучит как оксюморон, но

¹ Mayer Chr. Op. cit. S. 206-207.

² См., например: BGH, 26.10.2009 – II ZR 222/08, NJW 2010, 64.

³ Dee M. Calligar. Op. cit. Pp. 388-392.

вполне соотносится с пониманием договора как обещания или одностороннего волеизъявления лица, исполнение которого обеспечивается правом¹.

С учётом установленной законодателем обязательственной модели отношений нужно поддержать точку зрения о межкредиторском соглашении как договоре, для исполнения которого должны применяться определённые правовые средства материального и процессуального характера. При этом договорный тип, предусмотренный статьёй 309¹ ГК РФ, не предполагает ни уступки требования в пользу старшего кредитора, ни отношений юридического посредничества, ни доверительного управления чужим имуществом.

Представляется, что оптимальная структура отношений в рамках межкредиторского соглашения выглядит следующим образом. Младший кредитор несёт обязанность передать старшему исполнение, полученное от должника в нарушение условий соглашения. Требование младшего кредитора к должнику *de lege ferenda* должно считаться обременённым залогом, обеспечивающим исполнение обязательства одного кредитора перед другим. Право на получение исполнения от должника залогодателя при этом должно принадлежать залогодержателю, то есть старшему кредитору (абзац второй пункта 1 статьи 358⁶ ГК РФ). Конечно, эти правила должны иметь диспозитивный характер, их применение может быть исключено сторонами или поставлено в зависимость от определённых обстоятельств (к примеру, от наступления просрочки по требованию старшего кредитора к должнику). Во всяком случае предложенный вариант может подлежать обсуждению.

К слову, Пленум ВС РФ рассматривает статью 358⁴ ГК РФ как частное выражение общего требования об исполнении обязательства надлежащему лицу (статья 312 ГК РФ)². Рассмотренный случай переадресации исполнения в пользу залогодержателя требует уведомления обязанного лица, при этом предполагает, с одной стороны, что должник исполняет обязательство перед младшим кредитором, с другой стороны, что старший кредитор приобретает

¹ Халфина Р.О. Договор в английском праве. М., 1959. С. 102-105.

² Абзац второй пункта 6 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.06.2023 № 23 «О применении судами правил о залоге вещей» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2023. № 8. С. 23-38.

право на имущество через ту самую «юридическую секунду» после младшего кредитора. Как только исполнение считается полученным младшим кредитором, последний приобретает обязанность передать имущество старшему кредитору, который и принимает предоставление (юридически — от младшего кредитора). Следовательно, соблюдаются установленные законом параметры межкредиторского соглашения.

Можно отметить, что в странах общего права известна модель так называемого закороченного субординирования (англ. яз. — “short-circuiting subordination”), при которой старший кредитор или его агент вправе получить исполнение по требованиям младшего кредитора напрямую от должника¹.

Если залог обязательственного права обеспечивает исполнение обязательства младшего кредитора по межкредиторскому соглашению, просрочкой может считаться только неисполнение обязательства этим лицом. Вопрос об уступке права старшему кредитору при просрочке должника (пункты 2 и 3 статьи 358⁸ ГК РФ) практически теряет актуальность, так как должник — это младший кредитор, уведомивший собственного дебитора о необходимости исполнения в пользу залогодержателя права (старшего кредитора) и потому не имеющий возможности нарушить своё обязательство.

Возможно возникновение так называемой «множественной субординации», когда требование становится младшим по отношению к двум или более требованиям других лиц. В этом случае младший кредитор несёт обязанность передать полученное от должника перед всеми бенефициарами, даже если исполнение от должника получил лишь один из старших кредиторов как залогодержатель требования. Следовательно, другое управомоченное лицо не лишено права взыскать соответствующую денежную сумму с обязанного кредитора.

Немаловажный вопрос состоит в следующем: допускается ли уступка требования младшего кредитора к должнику в пользу третьего лица? Зачастую

¹ Mika J. Lehtimaki. Debt Subordination in Corporate Liquidation // Oxford University Research Archive (ORA) www.ora.ox.ac.uk, URL: <https://ora.ox.ac.uk/objects/uuid:487c871a-951a-4373-8d40-ba756ed4d248/files/dqb98mf63z> (дата обращения: 04.04.2025). Р. 31-32.

такие действия направлены на юридическое «очищение» обязательственного права, что едва ли соответствует стандарту объективной добросовестности. Строго говоря, уступка младшего требования должна происходить только при одновременной передаче межкредиторского договора по правилам статьи 392³ ГК РФ, то есть при наличии согласия старшего кредитора на привативный перевод долга. Изолированный переход требования к другому лицу серьёзно затрудняет надлежащее исполнение обязательства, предусмотренного статьёй 309¹ ГК РФ. В связи с этим запрет уступки требования к общему дебитору без согласия заинтересованного лица и без перехода прав и обязанностей по межкредиторскому договору должен считаться имманентно присущим обязательству данного вида.

Кроме этого, нежелательная уступка младшего требования к должнику может быть предотвращена передачей залогодержателю документов, удостоверяющих заложенное право (абзац третий пункта 1 статьи 358³ ГК РФ). Важно, что данное правило применяется постольку, поскольку сторонами не оговорено иное.

Даже если рассматривать субординирование как полноценный и самостоятельный распорядительный акт, изменяющий право (требование)¹, вероятнее всего, интерес старшего кредитора неизбежно будет сталкиваться с необходимостью защиты добросовестного цессионария. В противном случае сложно объяснить, почему залог прекращается при приобретении заложенного имущества не осведомлённым об обременении лицом, а акт субординации, о котором приобретатель не знал и не должен был знать, имеет безусловный юридический эффект. В этом смысле признании за старшим кредитором статуса залогодержателя младшего требования права стороны, как кажется, защищены достаточным образом.

Субординирование требования как способ обеспечения исполнения обязательства. А.Г. Карапетов указывает: «Вопрос о том, является ли подобное соглашение обеспечением в истинном смысле, может быть

¹ См., например: Тяжбин М.Д. Указ. соч. С. 67.

предметом дискуссии. Он дебатируется и в зарубежном праве»¹. В свою очередь, М.Д. Тяжбин считает бесспорным, что «...с юридической точки зрения, субординация не является обеспечением в силу отсутствия дополнительной гарантирующей имущественной массы, <...> однако необеспеченный кредитор, усиленный соглашением о субординации, имеет определённое экономическое преимущество перед обеспеченным кредитором»². Аргумент против признания обеспечительного характера межкредиторского соглашения понятен, однако позволим себе привести альтернативную точку зрения.

Ряд авторов обоснованно не рассматривает абсолютную субординацию в качестве способа обеспечения: «[В данном случае] отсутствует договор между старшим и младшим кредиторами, что означает отсутствие соглашения, которое соответствовало бы определению «соглашения об обеспечении»³.

В случае с относительным субординированием однозначный ответ отсутствует. В. MacDougall приводит несколько преимуществ рассмотрения субординации требования в качестве способа обеспечения: «...это дало бы старшему кредитору некоторую гарантию в случае банкротства субординированного кредитора, при условии, что старший кредитор обосновал бы наличие действительного «обеспечительного интереса»⁴. Далее автор справедливо указывает: «Другое преимущество заключается в том, что информация о наличии обеспечительного интереса будет раскрыта третьим лицам. Это необходимо, так как долг одного кредитора может не восприниматься третьими сторонами как «обременённый» соглашением о субординации»⁵.

Нужно учитывать, что законодатель *expressis verbis* указывает на возможность сторон конструировать собственные обеспечительные механизмы

¹ Исполнение и прекращение обязательства: комментарий к статьям 307-328 и 407-419 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание. Редакция 2.0] / Отв. ред. А.Г. Карапетов. — Москва: М-Логос, 2022. — 1496 с. (Комментарии к гражданскому законодательству #Глосса). С. 467.

² Тяжбин М.Д. Указ. соч. С. 49.

³ P.F. Coogan, H. Kripke & F. Weiss, "The Outer Fringes of Article 9: Subordination Agreements, Security Interests in Money and Deposits, Negative Pledge Clauses, and Participation Agreements" (1965) 79 Harv. L. Rev. 229 at 233.

⁴ MacDougall. Op. cit. P. 253.

⁵ Ibid.

посредством частноправовых соглашений (пункт 1 статьи 329 ГК РФ), причём такие способы обеспечения могут быть исключительно акессорными.

В.А. Белов утверждает: «Обеспечение исполнения обязательств не образует единой юридической конструкции, будучи по своей сути функцией, которая может выполняться при помощи конструктивно различных субстанций»¹. Развивая эту мысль, автор относит юридическую конструкцию к способам обеспечения, если она выполняет хотя бы одну из двух функций: стимулирующую (побуждает должника к исполнению обязательства) или гарантирующую (создаёт дополнительные возможности удовлетворения обеспеченного требования)².

Конечно, едва ли соглашение между кредиторами побуждает должника к надлежащему исполнению лежащих на нём обязанностей. В то же время требование младшего кредитора к должнику может играть роль определённой гарантии, в особенности при принятии за основу описанной выше залоговой модели. Обременение младшего требования залогом не является чем-то исключительным, российскому праву известно подобное структурирование отношений: в качестве примера можно привести обеспечение исполнения обязательств поручителя залогом³.

В деле о несостоятельности (банкротстве) открытого акционерного общества «Балтика» (дело № А32-27828/2015) кредитор по вексельному долгу передал векселя самого должника в залог другому кредитору (банку), который получил право требовать погашения векселя на основании залогового индоссамента: «валюта в залог». Судебная коллегия ВС РФ отметила: «Такое обеспечение, с экономической точки зрения, не является классическим: <...> подобное структурирование отношений предполагает, что долг перед компанией по векселю не будет уплачен ранее долга перед банком, в результате чего банк фактически начинает контролировать долговую нагрузку на

¹ Белов В.А. Теоретические проблемы учения о способах обеспечения исполнения обязательств // Законы России: опыт, анализ, практика. 2006. № 12.

² Там же.

³ Абзац третий пункта 1 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24.12.2020 № 45 «О некоторых вопросах разрешения споров о поручительстве» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2021. № 2. С. 15-23.

должника со стороны иных кредиторов (векселеполучателей), предоставивших обеспечение. <...> Следовательно, требование залогодателя фактически субординируется по отношению к требованию банка (применительно к правилам статьи 309¹ Гражданского кодекса Российской Федерации)»¹.

Судьи ВС РФ точно описали механизм контроля старшим кредитором кредитной нагрузки обязванного лица. В рассматриваемом деле младший кредитор выступил залогодателем-третьим лицом в отношениях банка с должником, однако ценность подобного залога сомнительна: одно требование к должнику (по векселю) объективно не может обеспечить исполнение другого притязания к тому же лицу (по кредитному договору). Другое дело, если требование к должнику обременяется залогом во исполнение собственного обязательства стороны межкредиторского соглашения. Обеспечительная сущность последнего состоит в возможности старшего кредитора получить приоритетное удовлетворение требования перед другими субординированными кредиторами, при этом реализация данного механизма может быть гарантирована залогом требования младшего кредитора с априорной переадресацией исполнения в пользу бенефициара субординирования.

Допустим, что субординирование притязания одного из кредиторов является способом обеспечения исполнения обязательства должника. Тогда уступка третьему лицу старшего требования влечёт одновременный переход прав по межкредиторскому соглашению как по обеспечивающей сделке (пункт 1 статьи 384 ГК РФ). Указанное решение представляется справедливым и потому заслуживает поддержки. Таким же образом можно объяснить, почему прощение долга младшим кредитором, по общему правилу, недопустимо: статья 415 ГК РФ допускает такую сделку в том случае, если она не нарушает *прав других лиц в отношении имущества кредитора*. Если младшее требование признаётся находящимся в залоге у старшего кредитора в обеспечение

¹ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 21.05.2020 № 308-ЭС19-17398(2) по делу № А32-27828/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

исполнения межкредиторского договора, освобождение дебитора от лежащей на нём обязанности без согласия залогодержателя должно быть исключено.

Замечание В. MacDougall о том, что «...стороны соглашения о субординации не ожидают, что они будут играть роли обеспеченной стороны и должника»¹ нельзя поддержать. Кредитор должника, выступая стороной межкредиторского договора, принимает на себя определённые обязанности в отношении другого уполномоченного лица, то есть сам становится должником по межкредиторскому соглашению. Тот факт, что субординационные соглашения являются, как правило, односторонне-обязывающими, только подтверждает понимание сторонами своих правовых ролей.

Вопрос о том, допустимо ли считать рассматриваемый механизм способом обеспечения исполнения обязательства, не поименованным в статье 329 ГК РФ, требует довольно серьёзной проработки. Как представляется, можно поддержать точку зрения Lynn M. LoPucki: «Некоторые соглашения, которые мы обычно не называем обеспечением, тем не менее выполняют те же функции, что и обеспечение, и потому имеют те же достоинства. Например, обеспечение не всегда нужно для того, чтобы получить приоритет: те же функции выполняет соглашение о субординации требований кредиторов. <...> То есть практический результат этого приёма — ровно тот же, как если бы в отношении этих активов было установлено обеспечение»².

Промежуточные выводы³

1. Субординирование требования означает невозможность его удовлетворения полностью или в определённой части до удовлетворения требования другого кредитора к общему должнику. При этом частное субординирование (по отношению к требованиям конкретного лица) имеет договорный характер.

2. Могут быть предложены несколько вариантов квалификации субординационного соглашения: фидуциарная уступка младшего требования,

¹ MacDougall. Op. cit. P. 255.

² Lynn M. LoPucki. Сделка без обеспечения (часть вторая) // Вестник гражданского права. 2015. № 1. С. 211-236.

³ См. схемы 2 и 3 в приложении № 2 к настоящей работе.

прощение долга под отменительным условием, особая форма траста, самостоятельная распорядительная сделка, изменяющая материальное право (требование), и соглашение сторон, подлежащее учёту и исполнению.

3. Предлагается исходить из того, что частное субординирование требования осуществляется на основании межкредиторского договора, исполнение которого обеспечено залогом требования младшего кредитора к должнику. При этом старший кредитор должен иметь право на получение удовлетворения от дебитора применительно к правилам статьи 358⁶ ГК РФ. Предложенный вариант, конечно, может подлежать обсуждению.

4. Уступка младшего требования возможна при одновременной передаче межкредиторского договора по правилам статьи 492³ ГК РФ, что соответствует акцессорной природе сделки. Прощение долга перед младшим кредитором возможно при наличии согласия старшего кредитора: признание младшего требования находящимся в залоге означает, что прекращение обязательства должника может нарушать права одного кредитора на имущество другого. Это в силу пункта 1 статьи 415 ГК РФ блокирует возможность прощения долга.

5. Вопрос о том, является ли относительное субординирование требования младшего кредитора способом обеспечения исполнения обязательства должника перед старшим кредитором, является дискуссионным. С учётом того, что субординирование притязания предполагает определённый контроль долговой нагрузки дебитора, вероятность надлежащего исполнения обязательства перед бенефициаром увеличивается. В этом контексте следует признать обеспечительную каузу субординационного соглашения.

§ 3. Соглашение об уравнивании требований кредиторов как вид межкредиторского соглашения

Межкредиторское соглашение между так называемыми разноранговыми кредиторами может содержать условия об удовлетворении требований к должнику на равных началах, как если бы притязания были включены в одну очередь реестра требований. А.Г. Карапетов отмечает: «При уравнивании кредиторы соглашаются уравнять взаимные требования (вопреки общему правилу *prior tempore* или специальным правилам о субординации) при распределении получаемого от должника, вводя режим пропорционального распределения»¹.

Можно заметить, что положения гражданского законодательства не только не исключают возможности уравнивания с непропорциональным распределением полученного, но и прямо подтверждают существование такой опции. Так, в силу пункта 1 статьи 309¹ ГК РФ стороны могут договориться и об очерёдности удовлетворения требований, и о непропорциональности распределения исполнения. Буквально это означает, что кредиторы, которые должны получить предоставление в разной очерёдности, могут договориться об отсутствии приоритета одного в отношении другого и одновременно о непропорциональности удовлетворения. Получается, что в зависимости от согласованных условий уравнивающее соглашение может закреплять как модель *pro rata* (она применяется в отсутствие прямого указания на иное), так и другой порядок распределения исполнения.

В некотором смысле уравнивание требований кредиторов представляет собой «субординирование наоборот»: один из кредиторов обязуется не пользоваться своим приоритетом в получении удовлетворения, разделив исполнение с другим лицом, как если бы они взаимодействовали на началах *pari passu*. Получается своеобразное «понижение до равного положения». Нет

¹ Исполнение и прекращение обязательства: комментарий к статьям 307-328 и 407-419 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание. Редакция 2.0] / Отв. ред. А.Г. Карапетов. — Москва: М-Логос, 2022. — 1496 с. (Комментарии к гражданскому законодательству #Глосса). С. 465.

никаких правовых препятствий и для заключения соглашения об асимметричном уравнивании: в данном случае только один из кредиторов несёт обязанность уравнять своё положение с другим. При этом другая сторона соглашения вправе оставить себе полученное от должника, если требования кредиторов будут подлежать удовлетворению в разной очерёдности.

Интересно, что уравнивающему соглашению может быть присуща алеаторность, при которой сторонам на момент заключения договора непонятно, кто из них будет передавать получаемое от должника имущество. Это нормальная ситуация для добанкротного этапа, на котором любой из кредиторов может раньше другого получить предоставление от обязанного лица. В случае с банкротством неопределенность в ролях сторон может иметь место, если интерес состоит в смягчении последствий несвоевременного заявления требования. До тех пор, пока кредиторы не получат возможность предъявить свои притязания к должнику в деле о банкротстве, будет неизвестно, какая из сторон приобретёт обязанность передавать часть полученного другой. В последнем случае стороны могут действовать в обороте на началах партнёрства, например, софинансирования определённого проекта.

Если не рассматривать сценарий банкротства, значение уравнивающего соглашения заключается в том, чтобы избежать ситуации первоочередного удовлетворения требования одного из кредиторов. Следовательно, такая сделка исключает применение правила *prior tempore potior iure* (с лат. — «первый по времени сильнее по праву»). Хотя заключение подобного соглашения возможно, на практике стороны чаще всего имеют в виду уравнивание требований при проведении процедур, применяемых в деле о несостоятельности (банкротстве).

А.Г. Карапетов раскрывает существо отношений сторон следующим образом: «...кредитор, который имеет в силу закона приоритет, может <...> [поделиться с субординированным кредитором] такой долей полученного в ходе конкурсного распределения, чтобы воспроизвести результат, который

имелся бы, если бы субординированный кредитор находился со старшим в силу закона кредитором в одной очереди»¹.

Некоторые требования кредиторов, в свою очередь, подлежат удовлетворению в пониженной очерёдности. Во-первых, субординируются притязания лиц, сделки которых с должником признаны недействительными на основании пункта 2 статьи 61² или пункта 3 статьи 61³ Закона о банкротстве. Во-вторых, субординированию подлежат требования, заявленные после закрытия реестра требований, если только причины пропуска срока не будут признаны судом уважительными (абзац первый пункта 4 статьи 142 Закона о банкротстве). В-третьих, может быть понижена очерёдность погашения притязаний аффилированных кредиторов, основанных на предоставлении должнику компенсационного финансирования, в частности, «спасительных займов»².

Применительно к приоритетным очередям реестра требований (первой и второй) следует помнить об ограничении круга притязаний, которые могут быть предметом соглашения между кредиторами (подробнее см. § 1 главы 1 настоящей работы). Речь идёт об ограничениях, связанных с возможностью уступки требований.

Участники межкредиторского соглашения могут заранее договориться о распределении полученного исполнения на началах *pari passu*, если основания субординирования возникнут позднее. Например, стороны соглашения могут таким образом смягчить негативные последствия пропуска срока на включение в реестр требований, предоставив друг другу гарантию получения стоимости определённой части имущества должника. В этом случае исполнение должно быть распределено пропорционально, то есть в соответствии с размером требований к должнику, если иное не предусмотрено соглашением.

¹ Исполнение и прекращение обязательства: комментарий к статьям 307-328 и 407-419 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание. Редакция 2.0] / Отв. ред. А.Г. Карапетов. — Москва: М-Логос, 2022. — 1496 с. (Комментарии к гражданскому законодательству #Глосса). С. 484.

² См.: Обзор судебной практики разрешения споров, связанных с установлением в процедурах банкротства требований контролирующих должника и аффилированных с ним лиц (утверждён Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 29.01.2020) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2020. № 7. С. 37-47.

С другой стороны, очерёдность удовлетворения притязания может быть понижена по основаниям, которые существовали в момент возникновения требования. В частности, осуществление контролирующим должника лицом досудебной санации (статья 31 Закона о банкротстве) посредством предоставления должнику заёмных средств¹, по общему правилу, влечёт субординирование соответствующего требования.

Как указывает А.Г. Карапетов, «...заёмные требования неминоритарных участников корпорации должны не в порядке какого-то исключения, основанного на применении ст. 170 ГК РФ о притворности сделки или правил п. 1 ст. 10 ГК РФ об обходе закона, а по общему правилу исключаться из РТК. С политico-правовой точки зрения эта позиция представляется наиболее убедительной»².

Получается, что независимый кредитор, соглашающийся на уравнивание его требования с требованием аффилиированного с должником лица, изначально может и должен полагать, что будет обязан передать полученное от должника имущество субординированному кредитору. То есть согласие на уравнивание требований предполагает отказ от предоставленного законом преимущества в получении удовлетворения по отношению к конкретному лицу.

Можно также положительно ответить на вопрос о допустимости заключения межкредиторского соглашения лицом, чьё требование к должнику связано с последствиями недействительности сделки (абзац пятый пункта 4 статьи 134 Закона о банкротстве). Поскольку такое притязание обладает признаками обязательства в узком смысле, представляя собой обязанность должника совершить действие в пользу другого лица, и является частноправовым, постольку оно может выступать предметом соглашения об

¹ В таком качестве компенсационное финансирование рассматривается Верховным Судом Российской Федерации. См.: пункт 10 Обзора судебной практики разрешения споров, связанных с установлением в процедурах банкротства требований контролирующих должника и аффилиированных с ним лиц (утверждён Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 29.01.2020) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2020. № 7. С. 37-47.

² Заём, кредит, факторинг, вклад и счёт: постатейный комментарий к статьям 807-860¹⁵ Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание. Редакция 1.0] / Отв. ред. А.Г. Карапетов. — Москва: М-Логос, 2019. — 1282 с. (Комментарии к гражданскому законодательству #Глосса). С. 166.

уравнивании с лицом, требование которого включено в одну из очередей реестра требований кредиторов.

Нужно сказать, что уравнивающие соглашения на настоящий момент не получили достаточно широкого распространения в обороте. Однако немногочисленная судебная практика на уровне высшей инстанции подтверждает допустимость заключения подобных договоров и, что самое важное, необходимость учёта их положений в банкротных процедурах.

Судебная коллегия ВС РФ в деле о банкротстве общества с ограниченной ответственностью «Анкор Девелопмент» (дело № А81-7027/2016) указала: «В кредитных договорах с банком содержалось в том числе условие о том, что требования участников ГК «Анкор» перед банком не субординируются. <...> Договорившись об этом, банк (и как следствие его правопреемник) согласился с тем, что требования участников группы компаний должника могут быть ему противопоставлены без возражений по мотиву необходимости понижения их очерёдности. При этом не имеется каких-либо оснований полагать, что данное условие договора не применяется в процедуре банкротства»¹. Судьи высшей инстанции особо подчеркнули, что такие отношения «...обусловлены, в первую очередь, возможным банкротством заёмщика в будущем»².

«В этом деле весьма примечательно то, что ВС РФ распространил на всех кредиторов правовые последствия заключения соглашения о несубординации мажоритарным кредитором. Это лишний раз подчёркивает, что кредиторы образуют своеобразное недобровольное товарищество, где соответствующие вопросы решаются большинством голосов»³ — заметил И.М. Шевченко.

Вместе с тем некоторые исследователи подвергли критике упомянутое определение Судебной коллегии ВС РФ. Например, Е.В. Широкова считает, что «...введение правовой категории мажоритарного кредитора, способного

¹ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 04.02.2019 № 304-ЭС18-14031 по делу № А81-7027/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

² Там же.

³ Шевченко И.М. К вопросу о субординации требований кредиторов, возникших после возбуждения дела о банкротстве // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2023. № 6. С. 164-181.

единолично принять решение о несубординации требований контролирующих должника лиц, противоречит правовым основам банкротного регулирования»¹.

А.И. Шайдуллин вовсе полагает, что применённый высшей инстанцией «...подход не соответствовал основополагающему принципу обязательственного права — обязательство не может создавать обязанностей для лиц, не участвующих в нём в качестве сторон (для третьих лиц)»².

В указанном деле требование было включено в третью очередь реестра требований, поскольку отсутствовали доказательства предоставления должнику компенсационного финансирования, а также корпоративной природы заявленного требования. Конечно, А.И. Шайдуллин прав: «...то обстоятельство, что не участвующие в соглашении кредиторы не заявили возражений о субординации, не может быть принято во внимание, ибо субординация (понижение в очерёдности) при наличии на то оснований должна осуществляться судом в силу закона»³.

Природа притязания не изменяется при заключении кредиторами соглашения о несубординировании. Вместе с тем Судебная коллегия ВС РФ довольно подробно аргументировала, почему очерёдность удовлетворения требования не подлежит понижению. К числу аргументов можно отнести в том числе открытый характер сведений об источниках финансирования должника, при котором аффилированные лица не обманывали независимых кредиторов, стремясь обеспечить видимость благосостояния должника. Это позволяет некоторым авторам провести параллель между соглашением с мажоритарным кредитором и *out-of-court plan* (с англ. яз. — «внесудебный план») по восстановлению платёжеспособности.

¹ Широкова Е.В. Изменение нормативно установленной иерархии требований кредиторов в деле о банкротстве: зарубежный опыт и перспективы отечественного регулирования // Закон. 2019. № 3. С. 174-191.

² Миахутдинов Р.Т., Шайдуллин А.И. Понижение в очерёдности (субординация) требований контролирующих должника или аффилированных с ним лиц в российском банкротном праве. Научно-практический комментарий к Обзору судебной практики разрешения споров, связанных с установлением в процедурах банкротства требований контролирующих должника и аффилированных с ним лиц, утв. Президиумом ВС РФ 29.01.2020 // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. Приложение к Ежемесячному журналу. 2020. № 9. Специальный выпуск. С. 3-136.

³ Шайдуллин А.И. Модель понижения в очерёдности (субординации) займов участников юридических лиц в России: в поисках оптимального регулирования. Комментарий к Определению Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 04.02.2019 № 304-ЭС18-14031 // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2019. № 10. С. 24-46.

Исходя из этого, при наличии достаточных оснований для субординирования очерёдность погашения притязания аффилиированного лица должна быть понижена. В таком случае допустимо иное истолкование межкредиторского соглашения. Представляется, что договор между кредиторами и в таком случае подлежит применению в рамках банкротного процесса, только уже на стадии расчётов с кредиторами: реестровый кредитор передаёт часть полученных денежных средств субординированному кредитору. Поскольку совокупный размер требований, включённых в реестр, не изменяется, права других кредиторов не затрагиваются условиями межкредиторского договора. Как следствие, разумные основания для отказа в учёте соглашения между кредиторами отсутствуют.

Частным случаем договора об уравнивании можно считать соглашение залогодержателей имущества должника, заключённое в соответствии со статьёй 342¹ ГК РФ. В деле о несостоятельности (банкротстве) С.М. Щаблыкиной (дело № А53-22652/2020) поручитель, исполнивший своё обязательство, приобрёл право залога в отношении имущества должника. Банк как основной кредитор настаивал на первоочередном удовлетворении его требования за счёт средств, вырученных от реализации предмета залога, тогда как поручитель ссылался на заключённое с банком соглашение об ином. Арбитражный суд Северо-Кавказского округа указал: «...банк <...> согласовал иной порядок удовлетворения требований банка и поручителя (фонда) за счёт заложенного имущества должника, согласившись с тем, что очерёдность удовлетворения требований из денежных средств, полученных от реализации залогового имущества, не устанавливается и не применяется»¹. Исходя из этого, суд кассационной инстанции признал необходимость применения условий межкредиторского соглашения.

Следует сказать, что межкредиторские договоры об уравнивании требований к должнику не стали предметом внимания российских правоведов.

¹ Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 19.08.2022 по делу № А53-22652/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

Отчасти это можно объяснить тем, что такой инструмент редко применяется на практике, но, с другой стороны, его потенциал нельзя недооценивать. Недостаточная разработанность обсуждаемой темы, конечно, отрицательно сказывается на развитии доктрины межкредиторских соглашений.

Представляется, что к соглашению о несубординировании требований должны *mutatis mutandis* применяться правила, рассмотренные в § 1 главы 1 настоящей работы, однако имеются и некоторые особенности.

Так, принятие мер по истребованию задолженности от обязанного лица в полной мере отвечает смыслу заключения сделки, потому что едва ли не единственная возможность для кредитора по субординированному требованию получить имущество состоит в приобретении этого имущества от лица, чьё требование будет удовлетворено первым. Чем более активные действия по получению исполнения предпринимает один из кредиторов, тем выше становятся шансы другого на удовлетворение хотя бы части притязаний к должнику. Получается, что скорейшее получение от обязанного лица предоставления, часть которого будет *a priori* излишним, и передача его в разумный срок кредитору по межкредиторскому договору является не только допустимым, но и предпочтительным вариантом.

При распределении полученного на началах *pari passu* один из кредиторов, являясь третьим лицом по отношению к обязательству «должник и другой кредитор», исполняет полностью или в части это обязательство и приобретает на основании пункта 2 статьи 309¹ ГК РФ требование субординированного кредитора. Поскольку зареестровое требование может быть уступлено другому лицу, оснований для ограничения *cessio legis* (перехода права на основании закона) не обнаруживается. Кредитор, передавший полученное от должника, приобретает в соответствующей части требование уравненного кредитора, что влечёт процессуальную замену кредитора. В том же порядке происходит договорное уравнивание требований, пониженных в очерёдности из-за предоставления должнику компенсационного финансирования. Другой вопрос, что приобретённое таким образом притязание

вряд ли будет когда-либо удовлетворено и, скорее всего, будет впоследствии признано погашенным.

Итак, удовлетворение требования «зареестрового» кредитора третьим лицом не исключено. Судебная коллегия ВС РФ в деле о банкротстве общества с ограниченной ответственностью «Пулковский Меридиан» (дело № А56-40551/2017) указала: «...нет никаких оснований полагать о наличии запрета на погашение требований, имеющих ту же правовую природу, но различающихся лишь тем, что они заявлены после закрытия реестра требований кредиторов должника (пункт 4 статьи 142 Закона о банкротстве)»¹. Хотя эта позиция касалась требований уполномоченного органа об уплате обязательных платежей, она вполне может быть экстраполирована на гражданско-правовые притязания.

Правовой механизм реализации условий уравнивающего соглашения в деле о несостоятельности (банкротстве) будет рассмотрен в § 2 главы 2 настоящей работы.

Промежуточные выводы²

1. Уравнивающее соглашение между кредиторами представляет собой договор, в соответствии с которым один кредитор обязуется передавать другому полученное от должника удовлетворение, распределяя его таким образом, как если бы кредиторы взаимодействовали на началах *pari passu*.

2. Заключение с мажоритарным кредитором соглашения о несубординировании требований само по себе не изменяет правовую природу притязания, однако может говорить в пользу добросовестности аффилиированного лица, не скрывавшего информацию об имущественном состоянии должника. Некоторые авторы предлагают рассматривать такое соглашение в качестве *out-of-court plan* (с англ. яз. — «внесудебный план») по восстановлению благосостояния обязанного лица.

¹ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 02.05.2023 № 307-ЭС20-22003(5) по делу № А56-40551/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

² См. схему 4 в приложении № 3 к настоящей работе.

3. Обязанность обеспечить уравнивание требований могут нести оба кредитора, если они имеют равные возможности получить удовлетворение (дебанкротный этап), или только один кредитор, согласившийся улучшить положение лица, требование которого подлежит субординированию (банкротный этап). Указанное согласие может быть дано как заранее, так и после того, как притязание было субординировано.

Глава II. Правовой механизм реализации условий межкредиторского соглашения в деле о несостоятельности (банкротстве)

§ 1. Консолидация требований кредиторов как средство реализации условий межкредиторского субординационного соглашения

Межкредиторское соглашение в механизме правового регулирования отношений несостоятельности. Как справедливо заметила С.А. Карелина, «...механизм правового регулирования банкротства наряду с собственно правовыми средствами включает средства иного характера (экономические, информационные, организационные и т.п.)»¹, при этом «[с]оглашения рассматриваются в качестве важнейшего элемента механизма правового регулирования отношений несостоятельности (банкротства)»².

Собственно правовой механизм С.С. Алексеев определял как «...взятую в единстве всю совокупность юридических средств, при помощи которых обеспечивается правовое воздействие на общественные отношения»³.

Будучи по своей природе средством образования юридических связей между разными лицами, соглашения, заключаемые в процессе несостоятельности, могут быть классифицированы по различным основаниям. К числу критериев классификации относятся: субъектный состав (должник, кредиторы, уполномоченный орган, лицо, предоставившее обеспечение в порядке статьи 78 Закона о банкротстве, а также другие третьи лица), момент заключения соглашения (досудебная стадия, реабилитационная или ликвидационная процедура), а также целевая направленность соответствующего соглашения.

Например, соглашение о досудебной санации (статья 31 Закона о банкротстве) как частный случай осуществления мер по восстановлению платёжеспособности должника (пункт 3 статьи 30 Закона о банкротстве)

¹ Карелина С.А. Механизм правового регулирования отношений несостоятельности (банкротства). М., 2008.

² Там же.

³ Алексеев С.С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М., 1966. С. 30.

заключается на досудебной (внесудебной) стадии и нацелено на предотвращение банкротства должника. В свою очередь, мировое соглашение по своей природе предполагает наличие возбуждённого дела о банкротстве должника, так как целью заключения указанного соглашения *de lege lata* является прекращение производства по делу (абзац девятнадцатый статьи 2 Закона о банкротстве).

Следует, конечно, согласиться с С.А. Карелиной: «...при классификации соглашений более обоснованным является функциональный критерий, в соответствии с которым следует различать, во-первых, соглашения, используемые в рамках предупредительного механизма, <...> во-вторых, соглашения, являющиеся элементом восстановительного механизма, <...> в-третьих, соглашения, возможность заключения которых предусмотрена в рамках ликвидационного механизма (в рамках конкурсного производства)»¹. В целом же соглашения следует считать универсальным правовым инструментом, используемым как в рамках процедур, применяемых в деле о банкротстве, так и до возбуждения производства по делу.

Действующее регулирование отношений несостоятельности предполагает, с одной стороны, разделение требований на несколько очередей удовлетворения, с другой стороны, распределение денежных средств между кредиторами одной очереди на началах *pro rata*. В то же время любое межкредиторское соглашение направлено на изменение хотя бы одного из следующих параметров: очерёдности погашения притязаний или пропорций распределения между кредиторами имущества, полученного от должника.

Получается, что субординационные и уравнивающие соглашения, не будучи даже упомянутыми в Законе о банкротстве, имеют целью договорное установление иной иерархии требований, чем предусмотрена законом, или отступление от принципа пропорционального распределения. Можно сказать, что в этом состоит роль межкредиторских договоров в механизме правового регулирования отношений несостоятельности.

¹ Карелина С.А. Указ. соч.

В основании добровольного относительного субординирования лежит соглашение между кредиторами одного лица по поводу осуществления обязательственных прав, следовательно, возможность совершения соответствующей сделки появляется одновременно с возникновением материально-правового требования к обязанному лицу и существует до тех пор, пока не прекратится обязательство должника хотя бы перед одним из кредиторов. Значит, межкредиторское соглашение может быть заключено как до возбуждения дела о банкротстве в отношении должника, так и в ходе любой из процедур, применяемых в деле. По крайней мере, каких-либо нормативных препятствий для этого не усматривается. Однако на практике такая сделка, как правило, совершается на добанкротном этапе, поскольку её кауза состоит в смягчении негативных последствий несостоятельности должника для старшего кредитора.

С учётом сказанного очевидно, что исполнение соглашения между кредиторами становится особенно актуальным при возбуждении дела о несостоятельности (банкротстве) должника. Значит, законодатель должен дать ответы на вопросы, каким правовым эффектом обладает межкредиторский договор в банкротном процессе и какие правовые средства применяются для обеспечения исполнения соглашения. Например, в § 510(a) Кодекса о банкротстве США прямо указано: «Соглашение о субординации подлежит исполнению в случае, предусмотренном настоящим разделом, в той же мере, в которой оно было бы обязательным в соответствии с применимыми положениями законодательства вне процедур банкротства»¹.

Разъясняя указанное предписание, Е.И. Мелихов отмечает: «Учитывая специфику правовой системы США, где, наряду с федеральным законодательством, каждый штат имеет свои законы, применимым правом в

¹ 11 U.S. Code §510 – Subordination // Legal Information Institute www.law.cornell.edu, URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/11/510>

данном случае является право конкретного штата, которому подчинено соглашение о субординации»¹.

Российский Закон о банкротстве не содержит упоминаний о межкредиторских соглашениях, соответственно, не регулирует и вопросы исполнения соответствующих сделок. Пленум ВС РФ выработал, как кажется, довольно категоричную позицию: «...соглашение кредиторов о порядке удовлетворения их однородных требований к должнику создаёт обязательства между кредиторами, но не меняет порядок проведения процедур и очерёдность удовлетворения требований кредиторов, установленные Федеральным законом от 26 октября 2002 года № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»². Немного позже рассмотрим истолкование данного разъяснения.

Для понимания того, какой правовой эффект соглашения между кредиторами имеют в банкротных процедурах, необходим системный анализ действующего регулирования. Примем как данность, что ни одна норма права не признаёт введение в отношении должника процедуры, применяемой в деле о банкротстве, основанием прекращения межкредиторского договора, равно как и не запрещает исполнение соглашения между кредиторами в рамках банкротного процесса. Этот тезис является генеральным для дальнейших рассуждений.

Принцип диспозитивности регулирования частноправовых имущественных отношений требует наличия достаточных оснований для ограничения автономии воли сторон применительно к определению ими порядка удовлетворения притязаний к должнику. Как указано выше, ни субординационные, ни уравнивающие соглашения между кредиторами не затрагивают прав иных лиц, поскольку не увеличивают совокупную долговую нагрузку обязанного лица и не уменьшают шансы кредиторов на получение соразмерного удовлетворения их требований.

¹ Мелихов Е.И. Субординация долга: практика Великобритании, США и перспективы применения в России // Слияния и поглощения. 2015. № 4 (18). С. 34-45.

² Абзац второй пункта 4 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22.11.2016 № 54 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2017. № 1. С. 14-23.

Исходя из этого, основания для отказа сторонам в учёте их воли по межкредиторскому договору отсутствуют. Данная позиция отражена и в актах судебной практики: «...экономические мотивы урегулирования отношений подобным образом обусловлены, в первую очередь, возможной несостоятельностью заёмщика в будущем, [в связи с чем] оснований для неприменения данного положения договора в процедуре банкротства должника не имеется»¹. Остаётся вопрос, какие правовые средства должны быть применены для исполнения межкредиторского договора в деле о банкротстве.

В первую очередь нужно определить значение указаний кредитора, получающего приоритетное удовлетворение, о перечислении денежных средств другому кредитору в соответствии с условиями соглашения. Управляющий является по своему статусу лицом, уполномоченным выступать от имени должника и одновременно действующим в интересах кредиторов². Причём взгляд на конкурсное управление как на представителя одновременно и обязанного лица, и управомоченных лиц встречается в дореволюционной практике Правительствующего Сената³. Ввиду этого требования кредитора о порядке исполнения требования перед ним (в том числе о распределении поступающих в его пользу денежных средств между ним и другими лицами, реквизиты соответствующих банковских счетов и т.п.) должны считаться предъявленными самому должнику и исполняться.

Представим, что кредиторы при установлении своих притязаний в реестре требований представляют в суд субординационное соглашение. В таком случае вполне допустимо включение в резолютивную часть судебного акта указания на первоочередное погашение требований старшего кредитора по отношению к требованиям младшего или на невозможность удовлетворения требований младшего кредитора до полного погашения требований старшего

¹ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 18.10.2023 № Ф05-22133/2022 по делу № А40-174540/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

² Управляющий несёт самостоятельную ответственность за недобросовестные и неразумные действия (бездействие) в соответствии со статьёй 53¹ Гражданского кодекса Российской Федерации. См., например: определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 24.08.2020 № 305-ЭС19-17553 по делу № А40-64173/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

³ Тютрюмов И.М. Конкурсное право / под ред. А.Г. Смирных. — М.: «Издание книг ком», 2024. — 432 с. С. 217-218. См., например: Решение ГКДС. 1884. № 62.

(часть 5 статьи 170 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее — АПК РФ).

При этом с доктринальной точки зрения основанием распределения поступающих денежных средств именно в таком порядке будет являться не соответствующее определение арбитражного суда, а уведомление со стороны кредитора на основании статьи 312 ГК РФ. Однако в практически-правовой плоскости отсутствие в судебном акте информации о специальном порядке распределения полученного исполнения может вызвать затруднения в исполнении межкредиторского соглашения.

По-видимому, следуя такой же логике, Арбитражный суд Московского округа в деле о банкротстве закрытого акционерного общества «СК «Внуково» (дело № А40-174540/2021) отменил судебные акты нижестоящих судов и указал: «...конкурсный управляющий формирует реестр требований кредиторов исходя из информации, содержащейся в резолютивной части судебного акта. Отсутствие данных выводов [о субординировании требований одного из кредиторов] в резолютивной части затрудняет исполнение судебного акта, нарушает права Банка. Если Определение Арбитражного суда города Москвы от 10.03.2023 остаётся без изменения, то арбитражный управляющий может разумно полагать, что требования АО «Эльгера» подлежат погашению в общем порядке»¹.

Казалось бы, указания в судебном акте на согласованный кредиторами порядок удовлетворения их требований к должнику достаточно, чтобы считать исполнение межкредиторского соглашения “enforced by court” (с англ. яз. — «обеспеченным со стороны суда»). В действительности же остаются неразрешёнными многие вопросы, в особенности применительно к субординационному соглашению. Во-первых, необходимо обеспечить своевременное установление младшего требования в реестре. Достигение этой цели может быть затруднено при учёте отсутствия у младшего кредитора

¹ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 26.01.2024 № Ф05-22133/2022 по делу № А40-174540/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

серьёзной заинтересованности в предъявлении к должнику своего притязания, ведь полученное исполнение будет подлежать передаче другому лицу. Вторых, старший кредитор должен иметь возможность влиять на осуществление права голоса по младшему требованию на собраниях кредиторов, в противном случае может возникнуть проблема «пустого голосования» (англ. яз. — “empty voting”).

Как справедливо указывает Н.В. Родина, «...складывается ситуация, когда материальное требование находится у одного лица, а материальный интерес на получение взыскания — у другого. Данная ситуация требует законодательного урегулирования путём предоставления права старшему кредитору предъявления требования младшего кредитора в реестр требований, а также предоставления прав лица, участвующего в деле, старшему кредитору»¹. Следовательно, требуется такое средство, которое, с одной стороны, адекватно отражало бы материально-правовую природу договора между кредиторами, с другой стороны, в достаточной мере обеспечивало бы права обеих сторон межкредиторского соглашения. Забегая немного вперёд, скажем, что такое средство нашлось.

А.Г. Карапетов по понятным причинам критикует вариант самостоятельного осуществления младшим кредитором прав по своему требованию к должнику и учёта межкредиторского договора только на этапе расчётов с кредиторами, а также отвергает модель, при которой старший кредитор считается представителем младшего с безотзывными полномочиями². Вместо этого автор предлагает использовать конструкцию фидуциарной уступки младшим кредитором своего требования в пользу старшего, тем более, что и Пленумом ВС РФ поддержана позиция о праве старшего кредитора

¹ Родина Н.В. Договорная субординация требований кредиторов в российской юрисдикции: специфика и особенности реализации // Предпринимательское право. 2021. № 3. С. 64-72.

² Исполнение и прекращение обязательства: комментарий к статьям 307-328 и 407-419 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание. Редакция 2.0] / Отв. ред. А.Г. Карапетов. — Москва: М-Логос, 2022. — 1496 с. (Комментарии к гражданскому законодательству #Глосса). С. 476-480.

требовать передачи ему прав по обязательству должника в случае наступления просрочки¹.

Стоит обратить внимание, что в определённую законом программу межкредиторского соглашения не входит уступка требования обязанного кредитора в пользу бенефициара. В связи с этим модель цессии на фидуциарных началах может обсуждаться только с позиций *de lege ferenda* либо в ситуации заключения сторонами соглашения об уступке требования. В то же время понятно, что именно переход обязательственного права предоставляет старшему кредитору возможность устанавливать требование в реестре, осуществлять по нему право голоса на собраниях кредиторов и принимать исполнение по обязательству. Представительская модель может быть оформлена, например, выдачей старшему кредитору безотзывной доверенности по правилам статьи 188¹ ГК РФ со специальным указанием на возможность реализации представителем прав, предусмотренных Законом о банкротстве. Но, как верно замечает А.Г. Карапетов, один из базовых принципов представительства заключается в том, что представитель вправе действовать не *вместо* представляемого, а *наряду* с ним. Кроме этого, выдача безотзывной доверенности допускается только для исполнения или в целях обеспечения исполнения обязательства, связанного с осуществлением его сторонами предпринимательской деятельности.

Как кажется, при выработке оптимального законодательного решения за основу может быть взят механизм, предусмотренный статьёй 358¹⁷ ГК РФ применительно к залогу ценных бумаг. Если залогодержатель уполномочен осуществлять все права по ценной бумаге, сложно найти аргументы против самостоятельного установления залогодержателем требований к должнику в деле о банкротстве и реализацию соответствующих прав, в частности, на голосование от своего имени на собраниях кредиторов (абзац первый пункта 2 статьи 358¹⁷ ГК РФ). При этом, как указывает Л.А. Новосёлова, «...в силу

¹ Там же. С. 480.

сделки с залогодателем залогодержатель не приобретает права собственности на ценную бумагу, а реализует свои права залогодержателя»¹.

Арбитражный суд Московского округа в деле о банкротстве общества с ограниченной ответственностью «СтройМагистраль» (дело № А40-63585/2017) подчеркнул: «...передача векселя в залог не переносит право собственности на нового векселедержателя, и не может оцениваться как исполнение [основного] обязательства по возврату кредита, в том числе и с учётом факта обращения взыскания на заложенный вексель»². Поскольку залог прекратится с исполнением обеспеченного обязательства (пункт 4 статьи 329 ГК РФ), учёт залогодержателя векселей как кредитора по основному обязательству и как кредитора по вексельному долгу в реестре требований не говорит о том, что его притязания учтены дважды. Тем более такая ситуация не свидетельствует о наличии на стороне залогодержателя излишне полученного удовлетворения (*superfluum*).

Разъяснения Президиума ВС РФ по вопросам судебной практики содержат указание на право держателя заложенной ценной бумаги участвовать в деле о банкротстве должника: «Решая вопрос, кто должен быть учтён в качестве кредитора по обеспечительному долгу, суды в рассматриваемой ситуации правильно приняли во внимание, что в пользу банка был совершён залоговый индоссамент, в связи с чем он <...> как фактический держатель ценных бумаг имеет возможность осуществлять все права, вытекающие из них»³.

Однако в случаях, если речь не идёт о залоге прав по ценным бумагам, описанный вариант *de lege lata* не предполагается: статья 358⁶ ГК РФ о залоге обязательственных прав предоставляет залогодержателю лишь возможность получить исполнение по обязательству, поэтому попытка залогодержателя

¹ Новосёлова Л.А. Залог прав требования // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2012. № 1. С. 60-73.

² Постановление Арбитражного суда Московского округа от 26.02.2021 № Ф05-1758/2019 по делу № А40-63585/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

³ Абзац тринадцатый пункта 16 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2, 2020 (утверждён Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 22.07.2020) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2021. № 1. С. 6-72.

установить заложенное требование в реестре вряд ли будет встречена судами с пониманием. В связи с этим нужно согласиться с Л.А. Новосёловой, которая полагает концептуально допустимым осуществление залогодержателем прав по заложенному требованию, не удостоверенному ценной бумагой¹. Тем более что последняя представляет собой форму существования притязания, используемую в первую очередь для повышения оборотоспособности прав (требований), поскольку «право из бумаги следует за правом на бумагу»².

Вместе с тем нельзя сказать, что в рамках действующего регулирования и актуальной правоприменительной практики интерес старшего кредитора остаётся без защиты. В упомянутом деле о банкротстве открытого акционерного общества «Балтика» (дело № А32-27828/2015) Судебная коллегия ВС РФ предложила довольно интересный способ обеспечить субординирование вексельного долга перед требованием по кредитному договору, настоящее соломоново решение: «...по отношению к требованиям всех иных кредиторов, не участвующих в обеспечительных отношениях, долг по кредиту и вексельный долг должны восприниматься и учитываться как единое консолидированное обязательство. <...> данное консолидированное требование учитывается целиком как если бы это было одно требование, принадлежащее одному кредитору»³.

Представляется, что данный пример судебного правотворчества — при учёте отсутствия в Законе о банкротстве положений о подобной консолидации требований — заслуживает исключительно поддержки. В принципе законодательству о несостоятельности знакомо объединение требований нескольких кредиторов. Так, в силу пункта 1 статьи 223⁸ Закона о банкротстве требования участников синдиката кредиторов, вытекающие из договора синдицированного кредита (займа) к заёмщику или к лицу, предоставившему обеспечение, признаются единым требованием; все права по такому притязанию в рамках процесса по делу о банкротстве осуществляются

¹ Новосёлова Л.А. Указ. соch.

² См.: Белов В.А. К вопросу о так называемой виндикации бездокументарных ценных бумаг // Закон. 2006. № 7.

³ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 21.05.2020 № 308-ЭС19-17398(2) по делу № А32-27828/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

кредитным управляющим, а причитающиеся кредиторам денежные средства зачисляются на банковский счёт кредитного управляющего и распределяются в соответствии с Федеральным законом от 31.12.2017 № 486-ФЗ «О синдицированном кредите (займе) и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

В то же время очевидна специфика единого требования, предусмотренного главой X¹ Закона о банкротстве. Указанное притязание имеет единое основание — договор синдицированного кредита (займа), для которого характерна множественность лиц на стороне кредитора при долевом характере их обязательства по выдаче кредита. В силу того, что синдикат кредиторов представляет собой разновидность гражданско-правового сообщества (глава 9¹ ГК РФ), участники могут своей волей и в своём интересе избирать кредитного управляющего, действующего на основании решений собрания.

Напротив, межкредиторское соглашение о субординировании одного требования по отношению к другому, как правило, определяет порядок осуществления требований, возникших из разных обязательств перед разными лицами. Поэтому единое консолидированное требование (далее — консолидированное обязательство, консолидированное требование), вероятно, имеет другую природу.

Сущность консолидированного обязательства. Консолидация обязательств — это правовое средство, предполагающее учёт требований двух или более кредиторов к должнику в рамках одной позиции реестра требований, причём номинал образованного требования соответствует сумме притязаний, подлежащих консолидации.

После того, как конструкция консолидированного требования была описана в определении Судебной коллегии ВС РФ по делу о банкротстве открытого акционерного общества «Балтика» (дело № А32-27828/2015), указание на необходимость консолидации притязаний появилось в абстрактных разъяснениях высшей инстанции применительно к поручительству: «В деле о

банкротстве должника по основному обязательству требование предоставившего частичное исполнение поручителя <...> и требование кредитора в непогашенной части учитываются в реестре требований кредиторов как единое консолидированное требование»¹.

С учётом существенных различий между межкредиторским соглашением и договором поручительства цель применения одного и того же средства в разных ситуациях может быть неочевидна. В ситуации, когда консолидированное обязательство образуется для реализации субординационного соглашения, «...поступившие в пользу держателя (держателей) данного консолидированного долга средства расходуются сначала на погашение требования с приоритетом, а потом (в случае полного погашения приоритетного требования) — на удовлетворение обеспечительного требования»². Во-первых, такая позиция подтверждает отсутствие уступки в конструкции договорного субординирования (требование учитывается как принадлежащее младшему кредитору в рамках консолидированного обязательства). Во-вторых, денежные средства передаются в счёт погашения старшего требования, бенефициар соглашения между кредиторами получает исполнение непосредственно от должника, то есть предоставление юридически не проходит через имущественную массу субординированного кредитора.

После того, как старшее требование будет полностью погашено, действие межкредиторского соглашения, являющегося по своей природе акцессорным обязательством³, прекратится. Вслед за этим прекратится и залог требования младшего кредитора к должнику, если соответствующее обременение имеет место. Младший кредитор сможет самостоятельно осуществлять весь комплекс прав по своему требованию, в том числе получать исполнение по нему. Так

¹ Абзац третий пункта 9 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29.06.2023 № 26 «Об особенностях применения судами в дела о несостоятельности (банкротстве) норм о поручительстве» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2023. № 9. С. 38-42.

² Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 21.05.2020 № 308-ЭС19-17398(2) по делу № А32-27828/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

³ См.: Родина Н.В. Договорная субординация требований кредиторов в российской юрисдикции: специфика и особенности реализации // Предпринимательское право. 2021. № 3. С. 64-72.

выглядит механизм функционирования субординационного соглашения в деле о несостоятельности, предложенный судьями ВС РФ.

В случае с поручителем, приобретшим требование к должнику в порядке суброгации, консолидация выступает способом реализации принципа *per se subrogat contra se* — недопустимости конкуренции суброгата с первоначальным кредитором за распределение средств от реализации конкурсной массы должника (пункт 4 статьи 364 ГК РФ). Следовательно, если речь идёт о субординационном договоре между кредиторами или об отношениях поручительства, необходимость консолидации продиктована наличием у одного из кредиторов приоритета в получении исполнения.

Однако консолидированное требование может быть построено по пропорциональной модели, в которой между кредиторами нет отношений субординации: например, в силу пункта 3 статьи 61¹⁸ Закона о банкротстве «...при несостоятельности контролирующего лица для целей проведения расчётов финансовый управляющий его имуществом принимает во внимание требование о привлечении к субсидиарной ответственности как единое консолидированное требование всех обладателей частей данного требования»¹. Сказанное подтверждает многофункциональный характер консолидации притязаний как правового средства.

Е.В. Широкова предлагает определить консолидированное требование как «...абстрактно-теоретическую модель установленного в деле о банкротстве единого требования, в структуру которого системно интегрированы отдельные требования кредиторов общего для них должника»². Консолидированное обязательство, по мнению автора, отвечает следующим признакам: целостность по отношению к иным требованиям кредиторов, внутренняя делимость на отдельные притязания кредиторов, совместимость требований для целей

¹ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 15.05.2024 № 309-ЭС23-25744 по делу № А60-46413/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

² Широкова Е.В. Юридическая конструкция единого консолидированного требования: теоретическая и практическая актуальность // Арбитражный и гражданский процесс. 2024. № 5. С. 3-7.

консолидации и специальный порядок управления консолидированным требованием¹.

С точки зрения всех внешних кредиторов (требования которых не входят в консолидированное обязательство), консолидированное требование представляет собой юридически монолитную конструкцию. Принципиально важно, однако, что консолидация притязаний в банкротном процессе не означает материально-правового объединения требований. В связи с этим следует согласиться с предложенным Е.В. Широковой признаком внутренней делимости рассматриваемой конструкции: несмотря на консолидацию, должник продолжает нести самостоятельные обязанности в материальном смысле перед каждым из кредиторов. Получается, что образование консолидированного требования представляет собой процессуальный инструмент, направленный на защиту интересов кредиторов и наиболее эффективную реализацию принадлежащих им прав в деле о несостоятельности.

Применительно к межкредиторскому соглашению это означает, что консолидированное обязательство, включающее в себя старшее и младшее требования, необходимо для обеспечения процессуального участия старшего кредитора в банкротном процессе по всем консолидируемым требованиям. При этом к консолидации способны исключительно те притязания, которые в силу закона подлежат удовлетворению в одной очерёдности. В противном случае (если бы одно из требований подлежало погашению в пониженной очерёдности) изменилась бы доля конкурсной массы, приходящаяся на иных кредиторов, что недопустимо.

Возвращаясь к разъяснению Пленума ВС РФ о том, что заключение соглашения между кредиторами не изменяет порядок и очерёдность удовлетворения требований кредиторов, установленные Законом о банкротстве, нужно подчеркнуть: все консолидируемые требования остаются включёнными в одну очередь реестра, не затрагивая интересы третьих лиц. Представляется, что упомянутую позицию высшей инстанции следует толковать как

¹ Там же.

устанавливающую недопустимость влияния межкредиторского соглашения на лиц, не участвовавших в нём в качестве сторон (пункт 3 статьи 308 ГК РФ)¹.

Осуществление прав по консолидированному требованию.

Интересно, что конструкция консолидированного обязательства первоначально описана применительно к договорному субординированию требований одного из кредиторов на основании межкредиторского договора. Однако впоследствии при рассмотрении дел, касающихся соглашений между кредиторами, Судебная коллегия ВС РФ ссыпалась на положения о поручительстве. Например, в определении по делу о банкротстве закрытого акционерного общества «СК «Внуково» (дело № А40-174540/2021) суды заключили: «...требование банка и общества «Авиаконсорциум» должно рассматриваться как единое консолидированное требование (пункт 9 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29.06.2023 № 26 «Об особенностях применения судами в делах о несостоятельности (банкротстве) норм о поручительстве»)². Аналогичную ссылку арбитражные суды привели в деле о банкротстве общества с ограниченной ответственностью «Московская ситценабивная фабрика» (дело № А40-101308/2023), консолидировав требования кредитной организации и одного из кредиторов³.

Вероятно, данный подход продиктован тем, что наиболее детально последствия консолидации притязаний описаны в постановлении Пленума ВС РФ о поручительстве: «...права кредитора в деле о банкротстве по консолидированному требованию осуществляет кредитор по основному обязательству как лицо, имеющее приоритет на получение исполнения, до момента полного погашения его требования. Число голосов, принадлежащих

¹ В том же ключе рассуждает А.Г. Карапетов. См.: Исполнение и прекращение обязательства: комментарий к статьям 307-328 и 407-419 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание. Редакция 2.0] / Отв. ред. А.Г. Карапетов. — Москва: М-Логос, 2022. — 1496 с. (Комментарии к гражданскому законодательству #Глосса). С. 482.

² Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 25.09.2023 № 305-ЭС23-4897 по делу № А40-174540/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

³ Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 20.06.2024 № 09АП-19581/2024 по делу № А40-101308/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

кредитору по основному обязательству на собрании кредиторов, определяется исходя из общего размера всего консолидированного требования»¹.

В случае с поручительством понятно, почему суброгат (исполнивший своё обязательство поручитель) не может претендовать на получение удовлетворения до того момента, пока не будут полностью погашены притязания кредитора по основному обязательству. При рассмотрении же субординационного соглашения этот вывод справедлив тогда, когда речь идёт о полном субординировании. Если заключённое по правилам статьи 309¹ ГК РФ соглашение предусматривает, что приоритет старшего кредитора ограничен определённой суммой, после получения управомоченным лицом удовлетворения в размере этой суммы консолидированное требование должно быть разделено на два самостоятельных притязания.

Строго говоря, данный вывод актуален и в отношении договора поручительства, содержащего указание на отступление от общих правил ГК РФ. Такой же точки зрения придерживается А.В. Мертвящев: «...кредитор и поручитель вправе определить, что субординация ограничена той или иной суммой (неполная субординация), предусмотреть субординацию только по отношению к основному должнику, но не к должникам по обеспечительным договорам (и наоборот) и т.п.»².

Старший кредитор управляет консолидированным требованием, учитывая права и законные интересы младшего кредитора, как следствие, несёт фидуциарные обязанности перед последним (пункт 3 статьи 1 ГК РФ). Нарушение указанных обязанностей может выступать основанием для взыскания убытков с управомоченного лица, причём Пленум ВС РФ делает ссылку на положения статьи 393 ГК РФ (входит в главу 25 ГК РФ «Ответственность за нарушение обязательств»). Исходя из этого, можно сделать вывод о наличии особого обязательства старшего кредитора

¹ Абзац четвёртый пункта 9 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29.06.2023 № 26 «Об особенностях применения судами в делах о несостоятельности (банкротстве) норм о поручительстве» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2023. № 9. С. 38-42.

² Мертвящев А.В. Внутренняя субординация обратного требования поручителя в российском гражданском праве // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2024. № 7. С. 132-169.

действовать добросовестно и разумно при осуществлении прав по консолидированному требованию, принимая во внимание интересы младшего кредитора.

Важно отметить, что за младшим кредитором сохраняется возможность участвовать в собраниях кредиторов с правом совещательного голоса, право обжаловать судебные акты, принятые в рамках дела о банкротстве, оспаривать совершённые должником сделки и реализовывать иные права, соответствующие статусу лица, участвующего в деле (статья 34 Закона о банкротстве). Из этого следует, что ограничение прав младшего кредитора касается двух аспектов: голосования на собраниях кредиторов и получения удовлетворения до погашения требований старшего кредитора.

Не вполне понятно, вправе ли старший кредитор самостоятельно направить в суд заявление о включении в реестр требований своего притязания и притязания младшего кредитора и об образовании консолидированного требования. Если дать положительный ответ, правовой статус старшего кредитора ещё более сближается со статусом представителя с безотзывными полномочиями. Если ответ отрицательный, возможность образования консолидированного обязательства обнаруживается только при условии предъявления управомоченными лицами своих требований к должнику.

С точки зрения телеологии межкредиторских договорённостей поддержки заслуживает первый вариант, тогда как на практике младшее притязание, как правило, устанавливалось в реестре на основании заявления субординированного кредитора (второй вариант). Следовательно, арбитражным судам ещё предстоит дать однозначный ответ на поставленный вопрос. Для нас же очевидно, что наиболее эффективное исполнение договора между кредиторами возможно при признании за старшим кредитором права на установление консолидированного требования в реестре от имени носителей всех притязаний, подлежащих консолидации. Такой подход учитывает заинтересованность старшего кредитора в получении скорейшего

удовлетворения и снимает проблему отсутствия у младшего кредитора столь серьёзного интереса в предъявлении требования к должнику.

В англо-американской правовой системе проблема эффективного осуществления прав по младшему (субординированному) требованию не стоит так остро, поскольку за основу может быть принята идея об уступке права (англ. яз. — “assignment idea”). Данная концепция, разумеется, предполагает полноценное осуществление прав по младшему требованию старшим кредитором, поэтому необходимость процессуальной консолидации притязаний или использования других схожих механизмов отсутствует.

Е.И. Мелихов, анализируя практику заключения межкредиторских договоров в США, отмечает: «...традиционным элементом содержания межкредиторского соглашения является добровольный отказ младшего кредитора от реализации своих прав, которые могут препятствовать удовлетворению интересов старшего кредитора, или уступка таких прав старшему кредитору <...>. В США такие отказы и уступки могут касаться как договорных прав младшего кредитора по субординированному обязательству должника, так и прав, предоставляемых ему законодательством о банкротстве»¹.

Вместе с тем автор подчёркивает, что «...в судебной практике США не сложилось однозначного понимания, какие права кредитора в банкротстве относятся к публичному порядку. В результате нельзя полностью исключить риск признания отказа младшего кредитора от некоторых своих законных прав недействительным. Так, например, многие суды не принимают отказ младшего кредитора от права голоса по ключевым вопросам процедуры банкротства»². Если же в силу межкредиторского соглашения (англ. яз. — “intercreditor agreement”) все права младшего кредитора переходят к старшему, последний признаётся обладателем субординированного требования и имеет право

¹ Мелихов Е.И. Указ. соч. С. 39.

² Там же.

голосовать по нему в процедурах банкротства — такая позиция отражена судом в деле *In re Avondale Gateway Center Entitlement, LLC*¹.

В практике судов Великобритании воспринят подход, согласно которому межкредиторское соглашение не может содержать положения, противные основам законодательного регулирования несостоятельности, если исполнение такого соглашения окажет отрицательное влияние на интересы третьих лиц². Но приведённое положение «...не препятствует признанию и приведению в исполнение в рамках процедуры банкротства должника межкредиторских соглашений в интересах отдельных лиц»³.

В доктрине и практике государств романо-германской правовой семьи в основном сосредотачиваются на определении судьбы материального права (требования) к должнику. Упоминавшаяся немецкая концепция прощения долга (нем. яз. — “erlassvertrag”, букв. — «договор о прощении, освобождении») в пользу третьего лица, несомненно, предоставляет старшему кредитору возможность наиболее эффективно осуществлять свои права в рамках банкротных процедур, так как младшее требование изначально не включается в реестр. Вместе с тем такое решение едва ли справедливо по отношению к младшему кредитору, не говоря уже о наличии концептуальных возражений против такой квалификации (см. § 2 главы 1 настоящей работы).

Французскому правопорядку известна конструкция продажи старшинства (франц. яз. — “cession d'antériorité”). Хотя текстуально указанная правовая норма связана с определением старшинства залогов, стороны межкредиторского субординационного соглашения используют данный механизм по аналогии для создания иерархии притязаний⁴. М.Д. Тяжбин также полагает возможным рассматривать «...соглашение кредиторов о приоритете при осуществлении их прав <...> в качестве распорядительной сделки, близкой

¹ 2011 WL 1376997 (D. Ariz. 2011)

² См., например: 14 ChD 19, 25.

³ Мелихов Е.И. Указ. соч. С. 37.

⁴ Габдрахманов Д.Ф. Субординация требований кредиторов в континентальной правовой семье // Евразийский юридический журнал. 2016. № 3 (94). С. 105-108.

к сделке с залоговым старшинством в соответствии с п. 1 ст. 342 ГК РФ»¹. Признаем, что данная точка зрения заслуживает внимания.

Итак, с учётом действующей редакции статьи 309¹ ГК РФ может обсуждаться вариант распорядительной сделки в виде субординирования притязания или обременения его залогом, но не уступки младшего требования. Исходя из этого, законодатель вправе либо предусмотреть процессуальное средство, позволяющее старшему кредитору осуществлять права в деле о несостоятельности по обоим требованиям, либо (что предпочтительно) признать за залогодержателем обязательственного права возможность осуществления прав кредитора по заложенному требованию в банкротных процедурах (по модели залога векселей).

Промежуточные выводы²

1. Надлежащее исполнение межкредиторского субординационного соглашения в деле о несостоятельности (банкротстве) возможно при условии, если обеспечивается процессуальное участие старшего кредитора в банкротных процедурах исходя из совокупного размера его требования и требования младшего кредитора к должнику.

2. Единое консолидированное обязательство — продукт консолидации требований как правового средства, предполагающего учёт притязаний двух или более кредиторов в рамках одной позиции реестра требований. При этом номинал консолидированного требования соответствует сумме входящих в него притязаний.

3. Консолидация требований носит процессуальный характер, а сама конструкция единого консолидированного требования является многофункциональной. В частности, такое притязание образуется в случае частичного исполнения обязательства должника поручителем и решении вопроса о правопреемстве первоначального кредитора в отношении исполненной части обязательства.

¹ Тяжбин М.Д. Указ. соч. С. 65.

² См. схемы 5 и 6 в приложении № 4 к настоящей работе.

4. Единое консолидированное требование является целостным по отношению к требованиям иных кредиторов, при этом остаётся внутренне делимым. Важно, что подлежащие консолидации притязания должны в силу закона удовлетворяться в одной очерёдности.

5. Управление консолидированным требованием осуществляется старшим кредитором: он голосует на собраниях кредиторов исходя из числа голосов, приходящихся на консолидированное требование в целом, и получает первоочередное удовлетворение своего притязания за счёт средств, поступивших в пользу консолидированного требования. Младший кредитор обладает правами лица, участвующего в деле о банкротстве (статья 34 Закона о банкротстве), за исключением тех, которые осуществляются старшим кредитором.

§ 2. Исполнение соглашения об уравнивании требований кредиторов, подлежащих в силу закона удовлетворению в разной очерёдности

Уравнивающие соглашения обладают значимой спецификой по сравнению с субординационными. В рамках дела о банкротстве режим удовлетворения требований на началах *pari passu* на основании соглашения вводится в отношении тех притязаний, которые в силу закона не подлежали бы удовлетворению в одной очерёдности. При этом доля конкурсной массы, приходящаяся на не участвующих в соглашении кредиторов, не может быть изменена.

С учётом этого важное значение приобретает рекомендация, закреплённая в Руководстве ЮНСИТРАЛ по вопросам несостоятельности: «...принцип признания приоритетов, существовавших до возбуждения дела о банкротстве, следует толковать как признающий приоритеты, основанные на субординационном соглашении, если такое соглашение не предусматривает более высокого порядка очерёдности, чем тот, который мог быть предоставлен соответствующему кредитору в соответствии с применимыми нормами законодательства»¹.

Следует ли из приведённого положения, что исполнение межкредиторского договора об уравнивании притязаний к должнику в рамках дела о банкротстве невозможно? Думается, что нет. Задача законодателя состоит в том, чтобы обеспечить справедливое ранжирование требований кредиторов, то есть определить очерёдность удовлетворения притязаний таким образом, чтобы политico-правовое обоснование правотворческого решения было достаточно убедительным. По этой причине национальные органы законодательной власти по-разному подходят к решению вопросов о приоритизации требований и о субординировании тех или иных притязаний.

Например, германский законодатель закрепил вариант так называемой жёсткой субординации, при которой очерёдность погашения требований

¹ UNCITRAL Legislative Guide on Insolvency Law, 2004. N.Y., 2005. Part Two. V: "Management of proceedings".

участников (акционеров) должника по заёмным обязательствам понижается, поскольку в ситуации имущественного кризиса контролирующие лица не только не осуществили увеличение уставного капитала, но вместо этого увеличили размер долговых обязательств должника. Восприятие займа как обхода правил о докапитализации (нем. яз. — “eigenkapitalersatz”, букв. — «взамен капитала») предполагает распространение на соответствующие притязания правового режима корпоративных требований.

Примечательно, что практика Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ содержит пример аналогичного подхода. Так, в деле о банкротстве общества с ограниченной ответственностью «Нефтегазмаш-Технологии» (дело № А32-19056/2014) высшая инстанция подчеркнула: «...с учётом конкретных обстоятельств дела суд вправе переквалифицировать заёмные отношения в отношении по поводу увеличения уставного капитала <...>, признав за прикрываемым требованием статус корпоративного, что является основанием для отказа во включении его в реестр»¹. Заметим, что указание на «конкретные фактические обстоятельства» не позволяет считать приведённый подход общеприменимым.

Американская доктрина «справедливой субординации» (англ. яз. — “equitable subordination”), в свою очередь, применима, если действия одного из кредиторов несправедливы по отношению к другим. Е.В. Широкова обоснованно полагает, что «...справедливая субординация является средством защиты кредиторов, применяемым в деле о банкротстве на основании принципов справедливости в той мере, в какой это необходимо для устранения причинённого вреда и позволяет суду корректировать приоритетность требований кредиторов»².

Актуальный российский подход предполагает, что суд должен исследовать обстоятельства выдачи займа аффилированным с должником или контролирующим его лицом. Президиум ВС РФ отметил: «Действующее

¹ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 06.07.2017 № 308-ЭС17-1556(1) по делу № А32-19056/2014 // СПС «КонсультантПлюс».

² Широкова Е.В. Изменение нормативно установленной иерархии требований кредиторов в деле о банкротстве: зарубежный опыт и перспективы отечественного регулирования // Закон. 2019. № 3. С. 174 - 191.

законодательство о банкротстве не содержит положений о безусловном понижении очерёдности удовлетворения некорпоративных требований кредиторов, относящихся к числу контролирующих должника лиц. <...> Если внутреннее финансирование с использованием конструкции договора займа осуществляется добросовестно, не направлено на уклонение от исполнения обязанности по подаче в суд заявления о банкротстве <...>, не имеется оснований для понижения очерёдности удовлетворения требования, основанного на таком финансировании»¹.

Буквальное прочтение данного разъяснения подтверждает существенное значение добросовестности действий контролирующего должника или аффилиированного с ним лица. При каких условиях предоставление должнику заёмного финансирования будет отвечать требованиям пунктов 3 и 4 статьи 1 ГК РФ? Нужно учитывать, что увеличение размера уставного капитала предполагает сложный юридический состав, следовательно, соответствующие процедуры занимают более или менее продолжительный период времени. К слову, в этом можно увидеть и аргумент против возможности применения пункта 2 статьи 170 ГК РФ к договору займа с должником: сомнения вызывает допустимость конструкции, в которой сделка (заём) прикрывает неразрывную совокупность нескольких юридических фактов. В то же время применение правил пункта 1 статьи 10 ГК РФ о действиях в обход закона с противоправной целью, как кажется, не противоречит доктринальным основам гражданского права.

Однако, как справедливо отмечает А.Г. Карапетов, «...как минимум некоторое число участников <...>, выбирая между докапитализацией своей компании за счёт увеличения уставного капитала и неминуемой в этом случае субординацией на случай банкротства, с одной стороны, и предоставлением займа, с другой, выбрали бы второе, если бы субординация займов не производилась, но воздержались бы от обоих вариантов докапитализации, если

¹ Пункт 1 Обзора судебной практики разрешения споров, связанных с установлением в процедурах банкротства требований контролирующих должника и аффилиированных с ним лиц (утверждён Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 29.01.2020) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2020. № 7. С. 37-47.

бы точно знали, что в случае безуспешности попытки спасения их требования будут неминуемо субординированы»¹.

Действительно, предоставление должнику займа может при определённых обстоятельствах отвечать критерию рациональности и осуществляться в рамках плана антикризисных мероприятий. В особенности если участники (акционеры) корпорации или другие компании, связанные с должником общностью экономических интересов, не скрывали информацию о таком способе финансирования от своих кредиторов. Во всяком случае, вопрос требует дальнейшей проработки.

Говоря о правовом значении межкредиторского соглашения об уравнивании требований кредиторов, стоит иметь в виду следующее. Возможно, при принятии решения о несубординировании требования суд вправе принять во внимание заключённое соглашение об уравнивании притязаний, но только как один из доводов в пользу добросовестности действий аффилированных кредиторов. Аналогичной позиции придерживается, в частности, А.Э. Алоян: «Суду в рамках процедуры банкротства необходимо уважать условия межкредиторского соглашения не в части очерёдности удовлетворения требований, а в части выраженности воли всех (большинства) кредиторов на признание требования взаимозависимого кредитора как юридически равного гражданско-правового требования»².

Строго говоря, при отсутствии возражений со стороны хотя бы одного из независимых кредиторов необходимость применения механизма субординирования вызывает серьёзные сомнения. Если требование всё же будет признано подлежащим погашению в пониженной очерёдности, ситуация с уравнивающим соглашением будет выглядеть следующим образом: требования одного кредитора на 80 включены в третью очередь реестра, а требования другого кредитора на 20 признаны подлежащими удовлетворению в

¹ Заём, кредит, факторинг, вклад и счёт: постатейный комментарий к статьям 807-860¹⁵ Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание. Редакция 1.0] / Отв. ред. А.Г. Карапетов. — Москва: М-Логос, 2019. — 1282 с. (Комментарии к гражданскому законодательству #Глосса). С. 168.

² Алоян А.Э. Проблемы имплементации доктрины recharacterization в российскую правовую систему // Вестник гражданского права. 2017. № 6. С. 221-240.

очерёдности, предшествующей распределению ликвидационной квоты. Долг на 20 не может быть противопоставлен иным конкурсным кредиторам, поскольку в противном случае на них приходилась бы меньшая доля имущества при конкурсном распределении.

Из этого явно следует, что возможность консолидации требований заблокирована. Такой вывод подтверждается и позицией Пленума ВС РФ: «Если требование поручителя, предоставившего частичное исполнение кредитору, признано судом подлежащим удовлетворению в очерёдности, предшествующей распределению ликвидационной квоты, такое требование не подлежит консолидации с оставшимся непогашенным требованием кредитора. В данном случае все права по этому требованию поручитель осуществляет самостоятельно»¹. Поскольку притязания, подлежащие уравниванию в силу межкредиторского соглашения, не способны к консолидации, необходимо использование другого правового средства.

Конечно, суд вправе в резолютивной части судебного акта о включении требования в реестр или о признании требования подлежащим удовлетворению в иной очерёдности установить специальный порядок распределения полученных денежных средств. В приведённом примере, если реестровый кредитор принимает удовлетворение на 40, он обязан разделить полученное с «зареестровым» кредитором на началах *pro rata* (если только соглашением не установлена непропорциональность распределения исполнения). Исходя из заданных условий, реестровый кредитор вправе получить удовлетворение на 32, передав 8 другому кредитору в соответствии с условиями договора между ними.

В практике можно найти случаи, когда пропорции конкурсного распределения имущества установлены судебным актом на основании межкредиторского соглашения. В частности, в деле о банкротстве С.М. Щаблыкиной (дело № А53-22652/2020) суд округа оставил без изменения

¹ Абзац седьмой пункта 9 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29.06.2023 № 26 «Об особенностях применения судами в делах о несостоятельности (банкротстве) норм о поручительстве» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2023. № 9. С. 38-42.

обжалованные судебные акты и подчеркнул: «...суд также установил порядок погашения требований фонда с направлением в пользу фонда 59,11% от суммы денежных средств, распределяемых между залоговыми кредиторами от стоимости реализации предметов залога с учётом заключённого сторонами соглашения, что также подтверждает согласование сторонами условий и порядка распределения денежных средств от реализации предметов залога иным образом, чем установлено действующим законодательством»¹. Судья ВС РФ не усмотрела оснований для передачи кассационной жалобы вместе с делом для рассмотрения Судебной коллегией ВС РФ².

Возможна ситуация, когда распределение денежных средств осуществляется конкурсным управляющим в соответствии с указаниями лица, притязания которого включены в реестр требований, но в практическо-правовой плоскости предпочтительным вариантом является включение в судебный акт сведений о порядке исполнения обязательств перед уравненными кредиторами.

Однако нерешённым остаётся вопрос об управлении требованием, которое должно быть удовлетворено в первоочередном порядке. Подлежит ли позиция одного из кредиторов при голосовании согласованию с другим кредитором, ожидающим передачи полученного от должника исполнения? Следует понимать, что кредитор осуществляет права по принадлежащему ему требованию исходя из приходящихся на указанное притязание количества голосов. С учётом этого требование о согласовании действий кредитора по управлению собственным притязанием с уравненным кредитором кажется проявлением чрезмерно широкого толкования закона. Хотя, разумеется, стороны вправе включить соответствующие положения в межкредиторское соглашение.

В.В. Кулаков полагает, что из соглашения между кредиторами одного должника возникают корпоративные отношения в широком смысле, под

¹ Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 19.08.2022 по делу № А53-22652/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

² Определение судьи Верховного Суда Российской Федерации от 01.12.2022 № 308-ЭС22-22480 по делу № А53-22652/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

таковыми автор понимает «...отношения, предполагающие объединение неких лиц для согласования их деятельности»¹. При принятии за основу этой концепции возникает справедливый вопрос: не могут ли кредиторы одного должника заключить между собой соглашение о порядке осуществления прав кредитора в деле о банкротстве?

Ключевая аналогия в этом контексте — корпоративный договор, предусмотренный статьёй 67² ГК РФ. В случае с уравнивающим соглашением одно из управомоченных лиц не имеет права участвовать в собрании кредиторов, следовательно, более корректна параллель с договором третьего лица и участника гражданско-правового сообщества (пункт 9 статьи 67² ГК РФ), то есть с квазикорпоративным договором. На первый взгляд, оснований для ограничения автономии воли сторон в рассматриваемом аспекте не обнаруживается.

Кроме того, как указывает Е.И. Мелихов, в Великобритании и США соглашения между кредиторами вполне могут регулировать отношения сторон по поводу обмена информацией и согласования ключевых решений².

Наиболее серьёзный вопрос состоит в том, какие последствия влечёт нарушение реестровым кредитором условий межкредиторского соглашения о порядке осуществления прав по требованию? По общему правилу, несоблюдение договора не может выступать основанием для признания недействительным решения собрания кредиторов, однако, безусловно, может повлечь привлечение лица, нарушившего обязательство, к гражданско-правовой ответственности.

Подход может быть другим, если уравнивающее соглашение заключено с единственным реестровым кредитором или со всеми такими кредиторами. Сложно сказать однозначно, возможно ли при нарушении межкредиторского договора применение по аналогии пункта 6 статьи 67² ГК РФ и признание недействительным решения, принятого собранием кредиторов. Если исходить

¹ Кулаков В.В. Указ. соч.

² Мелихов Е.И. Указ. соч. С. 36.

из концептуальной совместимости правил о корпоративном договоре с регулированием межкредиторских соглашений (что выглядит разумным), можно согласиться с возможностью оспаривания принятого на собрании кредиторов решения. Вместе с тем неясно, может ли суд принять волезамещающее решение, которое исключило бы необходимость повторного проведения собрания кредиторов. Известно, что в некоторых случаях российское право допускает такую возможность (пункт 4 статьи 445 ГК РФ), но правоприменительной практике в сфере банкротства, вероятно, ещё предстоит дать однозначный ответ на этот вопрос.

Положения статьи 12 Закона о банкротстве не содержат указаний на возможность участия в собраниях кредиторов лиц, требования которых подлежат удовлетворению после погашения реестровых притязаний. Вместе с тем стоит поддержать следующую позицию Президиума ВС РФ: «...у данного лица сохраняется материальное требование к должнику, не являющееся корпоративным. Поэтому с процессуальной точки зрения такой кредитор имеет все права, предоставляемые участвующему в деле о банкротстве лицу (ст. 34 Закона о банкротстве). Так, в частности, он вправе участвовать в судебных заседаниях по делу о банкротстве, обжаловать принятые по этому делу судебные акты, заявлять возражения против требований кредиторов, подавать жалобы на действия арбитражного управляющего, участвовать в собраниях кредиторов без права голоса и т.д.»¹. Аналогичная правовая позиция применима в отношении кредиторов по требованиям об осуществлении первоначального предоставления в части основного долга².

Получается, что одна из сторон договора об уравнивании притязаний имеет право участвовать в собраниях кредиторов без права голоса. Другой вопрос, что кредитор, голосующий на собрании кредиторов, должен учитывать

¹ Абзац пятый пункта 14 Обзора судебной практики разрешения споров, связанных с установлением в процедурах банкротства требований контролирующих должника и аффилированных с ним лиц (утверждён Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 29.01.2020) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2020. № 7. С. 37-47.

² Абзац тринадцатый пункта 15 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1, 2019 (утверждён Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 24.04.2019) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации 2019. № 10. С. 28-80.

права и законные интересы другой стороны межкредиторского соглашения. Данное положение представляется естественным выражением принципа доброй совести, красной нитью пронизывающего гражданское законодательство (пункт 3 статьи 1, пункт 5 статьи 10, пункт 3 статьи 307 ГК РФ). По понятной причине сказанное актуально только для конкурсных кредиторов, поскольку кредиторы по текущим платежам либо по притязаниям, подлежащим удовлетворению в составе первой или второй очереди реестра, не голосуют на собрании кредиторов.

Кроме этого, важно понимать, что передача кредитором части полученного от должника влечёт переход прав к должнику в порядке суброгации на основании пункта 2 статьи 309¹ ГК РФ. Переход прав кредитора к другому лицу должен быть оформлен посредством процессуального правопреемства, в том числе в определённой части требования. При этом если «...совершение уступки прав не меняет правовую природу их возникновения»¹, нет никаких оснований применять другие правила в отношении *cessio legis*: суброгат (кредитор, передавший полученное исполнение) приобретает полностью или в части «зареестровое» требование либо требование, подлежащее удовлетворению в иной очереди реестра, если субъектом уравнивающего соглашения является кредитор по текущим платежам или по притязаниям, относящимся к приоритетным очередям удовлетворения.

В заключение отметим, что включение сведений о порядке распределения денежных средств между кредиторами в определение (постановление) арбитражного суда будет способствовать надлежащему исполнению договора между кредиторами. Это также позволит исключить двоякое понимание условий межкредиторского соглашения арбитражным управляющим. В то же время нужно исходить из того, что с точки зрения материального закона основанием осуществления предоставления в пользу третьего лица

¹ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 11.08.2021 № Ф05-19373/2021 по делу № А41-3583/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

(уравненного кредитора) является переадресация исполнения применительно к правилам статьи 312 ГК РФ.

Промежуточные выводы

1. Реализация условий уравнивающего соглашения в деле о банкротстве в основном связана с порядком распределения исполнения, полученного обязанным кредитором в первоочередном порядке по отношению к бенефициару уравнивания. Поскольку требования сторон межкредиторского соглашения в силу закона подлежат удовлетворению в разной очерёдности, консолидация притязаний невозможна. В противном случае изменилась бы доля конкурсной массы, падающая на кредиторов, не участвовавших в договоре, что недопустимо.

2. Для того чтобы условия межкредиторского соглашения об уравнивании притязаний были исполнены надлежащим образом, требуется уведомление арбитражного управляющего о порядке распределения средств, поступающих в пользу кредитора, который получает исполнение в приоритетном порядке. Как представляется, информация об определённом сторонами порядке распределения денежных средств может содержаться в резолютивной части судебного акта (часть 5 статьи 170 АПК РФ), принятого по итогам рассмотрения требований сторон межкредиторского договора. Такой подход избран судами, в частности, в деле о банкротстве С.М. Щаблыкиной (дело № А53-22652/2020).

3. Кредитор, требования которого подлежат удовлетворению в первоочередном порядке и который имеет право голосовать на собраниях кредиторов, во всяком случае при осуществлении указанного права обязан действовать добросовестно и разумно (пункт 3 статьи 1 ГК РФ), в том числе с учётом заинтересованности уравненного кредитора в получении части денежных средств, приходящихся на установленное в реестре требование другого лица.

4. Межкредиторское соглашение может содержать условия о порядке осуществления прав кредитора в деле о несостоятельности (статья 421 ГК РФ),

в том числе об обмене имеющейся информацией, согласовании позиции при голосовании на собраниях кредиторов и т.п. Поскольку одна из сторон уравнивающего соглашения имеет лишь право совещательного голоса на собраниях управомоченных лиц, соответствующие положения межкредиторского договора могут быть подчинены правилам пункта 9 статьи 67² ГК РФ.

Заключение

Завершая рассмотрение правовой природы межкредиторских соглашений и правового механизма реализации их условий в делах о несостоятельности (банкротстве), следует сделать несколько важных выводов.

Межкредиторское соглашение в соответствии с пунктом 1 статьи 154, пунктом 1 статьи 309¹ и пунктом 1 статьи 420 ГК РФ представляет собой поименованный в законе двух- или многосторонний договор, сторонами которого выступают кредиторы одного лица по однородным обязательствам частноправового характера. Структура отношений в рамках межкредиторского соглашения включает в себя негативное обязательство воздерживаться от действий по получению удовлетворения в нарушение условий соглашения и позитивное обязательство передать другому кредитору имущество, полученное от должника, если фактическое имущественное положение отличается от согласованного кредиторами.

Важно отметить, что участие или неучастие должника в межкредиторском соглашении юридически иррелевантно для заключения и исполнения соглашения, поскольку значение имеет исключительно воля управомоченных лиц (кредиторов). Если должник становится подписантом соглашения между кредиторами, он может считаться уведомленным о порядке исполнения обязательства (например, о переадресации исполнения по правилам статьи 312 ГК РФ).

В зависимости от порядка распределения полученного исполнения соглашение между кредиторами может быть субординационным или уравнивающим. Субординирование требования означает невозможность его удовлетворения полностью или в определённой части до удовлетворения требования другого кредитора к общему должнику. Договорный характер имеет частное субординирование, то есть понижение очерёдности погашения требования по отношению к требованию другого конкретного лица. Рассматриваемое субординирование по-разному квалифицируется разными

авторами (фидуциарная уступка требования, прощение долга под отменительным условием, самостоятельная распорядительная сделка и др.). В иностранной литературе распространён взгляд на соглашения о субординации как на контракты (договоры), исполнение которых должно быть обеспечено судом при расчётах с кредиторами в деле о банкротстве.

Автору кажется правильным исходить из того, что частное субордирование осуществляется на основании межкредиторского соглашения, исполнение которого обеспечено залогом требования младшего кредитора к должнику. При этом старший кредитор, по общему правилу, должен иметь возможность получить исполнение от дебитора применительно к правилам статьи 358⁶ ГК РФ. Уступка же младшего требования возможна при одновременной передаче межкредиторского соглашения по правилам статьи 492³ ГК РФ.

Дискуссионным является вопрос о том, допустимо ли считать договорное субордирование требования способом обеспечения исполнения обязательства. Можно говорить о том, что вероятность исполнения обязательства должника перед старшим кредитором повышается благодаря возможности контроля кредитной нагрузки дебитора. Следовательно, межкредиторское соглашение может выполнять определённую гарантирующую функцию. Тогда уступка старшего требования должна влечь одновременный переход прав по соглашению между кредиторами на основании пункта 1 статьи 384 ГК РФ.

Смысл уравнивающего соглашения между кредиторами состоит в том, что лица, требования которых в силу закона подлежали бы удовлетворению в разной очерёдности, распределяют между собой полученное от должника исполнение на началах *pari passu*. Такое соглашение не влияет на характер требования и не исключает субордирования требования по отношению ко всем иным кредиторам. Исходя из этого, уравнивание осуществляется за счёт доли, падающей на кредитора, который принял соответствующее условие.

Обязанность обеспечить уравнивание могут нести оба кредитора или только один кредитор в пользу другого. В первом случае стороны своим соглашением вправе, например, распределить между собой риск несвоевременного предъявления требования и его субординирования по основаниям, предусмотренным пунктом 4 статьи 142 Закона о банкротстве. Обязательство по уравниванию требований на банкротном этапе принимает на себя кредитор, притязание которого будет погашаться в первоочередном порядке, если требование другого кредитора понижено в очерёдности удовлетворения.

Краеугольным камнем надлежащего исполнения субординационного соглашения в деле о несостоятельности (банкротстве) следует считать обеспечение процессуального участия старшего кредитора в банкротных процедурах исходя из совокупного размера его требования и притязания младшего кредитора. Правовым средством, направленным на решение этой задачи, является консолидация требований двух или нескольких кредиторов.

Единое консолидированное обязательство — продукт консолидации денежных требований, в рамках которого притязания двух или более кредиторов отражаются в рамках одной позиции реестра требований. Номинал консолидированного требования определяется путём сложения входящих в него притязаний. Важно, что консолидированы могут быть только те требования, которые в силу закона подлежат удовлетворению в одной очерёдности.

Консолидация носит процессуальный характер и не изменяет обладателей материально-правовых притязаний, она применяется не только для реализации условий межкредиторского соглашения, но и, например, при включении в реестр требований поручителя, частично исполнившего обязательство должника. Юридическая конструкция единого консолидированного требования является внешне целостной, но остаётся сложной по своей структуре (внутренне делимой).

Управление консолидированным требованием осуществляется старший кредитор: он участвует в собраниях кредиторов с правом решающего голоса, а также получает приоритетное удовлетворение за счёт средств, поступающих в пользу консолидированного обязательства. При этом он несёт самостоятельную обязанность действовать добросовестно и разумно с учётом интересов другого кредитора (пункт 3 статьи 1 ГК РФ). Младший кредитор пользуется правами лица, участвующего в деле о банкротстве (статья 34 Закона о банкротстве), за исключением тех, которые осуществляют старший кредитор.

Реализация условий соглашения об уравнивании требований кредиторов может быть обеспечена на стадии расчётов с кредиторами. В частности, информация об определённом сторонами порядке распределения денежных средств может содержаться в резолютивной части судебного акта (часть 5 статьи 170 АПК РФ), принятого по итогам рассмотрения требований сторон межкредиторского соглашения. Данный подход воспринят арбитражными судами, например, в деле о банкротстве С.М. Щаблыкиной (дело № А53-22652/2020).

При этом с материально-правовой точки зрения основанием для распределения исполнения между двумя или более лицами будет являться указание о переадресации установленной части исполнения в пользу другого кредитора. Исполнение уравнивающего соглашения должно быть обеспечено судом в той мере, в которой такое соглашение не влечёт увеличения доли имущества должника, приходящейся на сторон межкредиторского соглашения, за счёт требования, подлежащего в силу закона удовлетворению в пониженной очерёдности (пункт 3 статьи 308, пункт 3 статьи 309¹ ГК РФ).

Законом не запрещено заключение соглашения о порядке реализации прав кредитора в деле о банкротстве, следовательно, стороны вправе включить в межкредиторский договор об уравнивании притязаний соответствующие положения, определив в том числе порядок голосования управомоченного лица на собраниях кредиторов. К такому соглашению могут быть по аналогии

применены правила пункта 9 статьи 67² ГК РФ о так называемом квазикорпоративном договоре.

Таким образом, отсутствие законодательных положений, которые регулировали бы исполнение соглашений между кредиторами в банкротном процессе, не кажется непреодолимым препятствием для реализации условий соответствующих сделок. Несмотря на наличие определённых трудностей, отчасти связанных с доктринальной дискуссией о правовой природе межкредиторских соглашений, а отчасти вызванных пробельностью нормативного регулирования, представляется, что общее понимание правового механизма реализации условий соответствующих сделок выработано.

**Список нормативных правовых актов и иных актов,
обладающих нормативными свойствами**

1. Федеральный закон от 02 декабря 1990 г. № 395-1 «О банках и банковской деятельности» (с изм. и доп. от 28 февраля 2025 г. № 18-ФЗ) // СЗ РФ. 1996. № 6. Ст. 492; СЗ РФ. 2025. № 9. Ст. 847.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (с изм. и доп. от 08 августа 2024 г. № 237-ФЗ) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301; СЗ РФ. 1996. № 5. Ст. 410; СЗ РФ. 2001. № 49. Ст. 4552; СЗ РФ. 2006. № 52. Часть I. Ст. 5496; СЗ РФ. 2024. № 33. Часть I. Ст. 4933.
3. Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (с изм. и доп. от 26 декабря 2024 г. № 478-ФЗ) // СЗ РФ. 2002. № 43. Ст. 4190; СЗ РФ. 2024. № 53. Часть I. Ст. 8488.
4. Федеральный закон от 31 декабря 2017 г. № 486-ФЗ «О синдицированном кредите (займе) и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (с изм. и доп. от 22 декабря 2020 г. № 447-ФЗ) // СЗ РФ. 2018. № 1. Часть I. Ст. 70; СЗ РФ. 2018. № 49. Часть I. Ст. 7524; СЗ РФ. 2020. № 52. Часть I. Ст. 8593.

Список материалов судебной практики

1. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 16.05.2000 № 8-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений пункта 4 статьи 104 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобой компании «Timber Holdings International Limited» // СЗ РФ. 2000. № 21. Ст. 2258.
2. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22.11.2016 № 54 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2017. № 1. С. 14-23.
3. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 11.06.2020 № 6 «О некоторых вопросах применения положений Гражданского кодекса Российской Федерации о прекращении обязательств» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2020. № 8. С. 15-21.
4. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24.12.2020 № 45 «О некоторых вопросах разрешения споров о поручительстве» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2021. № 2. С. 15-23.
5. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.06.2023 № 23 «О применении судами правил о залоге вещей» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2023. № 8. С. 23-38.
6. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29.06.2023 № 26 «Об особенностях применения судами в делах о несостоятельности (банкротстве) норм о поручительстве» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2023. № 9. С. 38-42.
7. Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 17.11.2004 № 85 «Обзор практики разрешения

- споров по договору комиссии» // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2005. № 1.
8. Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 30.10.2007 № 120 «Обзор практики применения арбитражными судами положений главы 24 Гражданского кодекса Российской Федерации» // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2008. № 1. С. 60-87.
9. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1, 2019 (утверждён Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 24.04.2019) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации 2019. № 10. С. 28-80.
10. Обзор судебной практики разрешения споров, связанных с установлением в процедурах банкротства требований контролирующих должника и аффилированных с ним лиц (утверждён Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 29.01.2020) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2020. № 7. С. 37-47.
11. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2, 2020 (утверждён Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 22.07.2020) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2021. № 1. С. 6-72.
12. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 06.07.2017 № 308-ЭС17-1556(1) по делу № А32-19056/2014 // СПС «КонсультантПлюс».
13. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 04.02.2019 № 304-ЭС18-14031 по делу № А81-7027/2016 // СПС «КонсультантПлюс».
14. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 21.05.2020 № 308-ЭС19-17398(2) по делу № А32-27828/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

15. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 24.08.2020 № 305-ЭС19-17553 по делу № А40-64173/2017 // СПС «КонсультантПлюс».
16. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 02.05.2023 № 307-ЭС20-22003(5) по делу № А56-40551/2017 // СПС «КонсультантПлюс».
17. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 25.09.2023 № 305-ЭС23-4897 по делу № А40-174540/2021 // СПС «КонсультантПлюс».
18. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 25.09.2023 № 305-ЭС23-4897(3) по делу № А40-174540/2021 // СПС «КонсультантПлюс».
19. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 15.05.2024 № 309-ЭС23-25744 по делу № А60-46413/2016 // СПС «КонсультантПлюс».
20. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 03.04.2025 № 305-ЭС24-22635 по делу № А41-33349/2024 // СПС «КонсультантПлюс».
21. Определение судьи Верховного Суда Российской Федерации от 01.12.2022 № 308-ЭС22-22480 по делу № А53-22652/2020 // СПС «КонсультантПлюс».
22. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 26.02.2021 № Ф05-1758/2019 по делу № А40-63585/2017 // СПС «КонсультантПлюс»
23. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 11.08.2021 № Ф05-19373/2021 по делу № А41-3583/2020 // СПС «КонсультантПлюс».
24. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 19.08.2022 по делу № А53-22652/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

25. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 25.01.2023
№ Ф05-34803/2021 по делу № А40-61908/2018 //
СПС «КонсультантПлюс».
26. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 18.10.2023
№ Ф05-22133/2022 по делу № А40-174540/2021 //
СПС «КонсультантПлюс».
27. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 26.01.2024
№ Ф05-22133/2022 по делу № А40-174540/2021 //
СПС «КонсультантПлюс».
28. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда
от 20.06.2024 № 09АП-19581/2024 по делу № А40-101308/2023 //
СПС «КонсультантПлюс».

Список использованной литературы

1. Агарков М.М. Обязательство по советскому гражданскому праву. М., 1940. Юридическое издательство НКЮ СССР.
2. Алексеев С.С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М., 1966.
3. Алексеева Д.Г., Пешкова (Белогорцева) Х.В., Рождественская Т.Э., Демьянец М.В., Пушкин А.В., Решетина Е.Н., Рябова Е.В., Холкина М.Г., Чернусь Н.Ю., Шпинев Ю.С., Котухов С.А. Комментарий к Федеральному закону от 02.12.1990 № 395-1 «О банках и банковской деятельности» (постатейный) // СПС «КонсультантПлюс».
4. Алоян А.Э. Проблемы имплементации доктрины recharacterization в российскую правовую систему // Вестник гражданского права. 2017. № 6. С. 221-240.
5. Белов В.А. К вопросу о так называемой виндикации бездокументарных ценных бумаг // Закон. 2006. № 7.
6. Белов В.А. Теоретические проблемы учения о способах обеспечения исполнения обязательств // Законы России: опыт, анализ, практика. 2006. № 12.
7. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Общие положения. 3-е изд., стереотипное. М.: Статут, 2001. Кн. 1. 848 с.
8. Буркова А.Ю. Межкредиторское соглашение в банковской практике // Право и экономика. 2015. № 9. С. 67-70.
9. Буркова А.Ю. Некоторые изменения Гражданского кодекса Российской Федерации с точки зрения российского банковского юриста // Банковское право. 2015. № 6. С. 7-14.
10. Василевская Л.Ю. Договор и соглашение в гражданском праве: критерии разграничения понятий // Юрист. 2017. № 22. С. 9-13.

11. Витрянский В.В. Судебное толкование некоторых новелл об исполнении обязательств и ответственности за их нарушение // Хозяйство и право. 2017. № 3 (Приложение). С. 3-48.
12. Габдрахманов Д.Ф. Субординация требований кредиторов в континентальной правовой семье // Евразийский юридический журнал. 2016. № 3 (94).
13. Горева А.А. Договор простого товарищества и его виды: российское право в сравнительно-правовом аспекте // Вестник гражданского права. 2020. № 6. С. 30-66.
14. Горева А.А. Общая цель и внесение вкладов как признаки договора простого товарищества. Дисс. ... канд. юр. наук. М., 2024. 187 с.
15. Гуреев В.А. Соглашение кредиторов о порядке удовлетворения их требований к должнику — новелла гражданского законодательства // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 2. С. 20-23.
16. Заём, кредит, факторинг, вклад и счёт: постатейный комментарий к статьям 807-860¹⁵ Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание. Редакция 1.0] / Отв. ред. А.Г. Карапетов. — Москва: М-Логос, 2019. — 1282 с. (Комментарии к гражданскому законодательству #Глосса).
17. Исполнение и прекращение обязательства: комментарий к статьям 307-328 и 407-419 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание. Редакция 2.0] / Отв. ред. А.Г. Карапетов. — Москва: М-Логос, 2022. — 1496 с. (Комментарии к гражданскому законодательству #Глосса).
18. Карапетов А.Г., Павлов А.А., Сарбаш С.В., Сулейманов Р.У. Комментарий к Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 22.11.2016 № 54 «О некоторых вопросах применения общих положений ГК РФ об обязательствах и их исполнении» // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2017. № 3. С. 87-183.

19. Карелина С.А. Механизм правового регулирования отношений несостоятельности (банкротства). М., 2008.
20. Кархалев Д.Н. Поручительство в гражданском праве // Вестник арбитражной практики. 2022. № 3. С. 24-30.
21. Кашников Н.Б. Обратное требование поручителя: регресс, суброгация // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2022. № 3. С. 137-173.
22. Кулаков В.В. Межкредиторское соглашение как новый вид гражданско-правового договора // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 2. С. 45-50.
23. Мелихов Е.И. Субординация долга: практика Великобритании, США и перспективы применения в России // Слияния и поглощения. 2015. № 4 (18). С. 34-45.
24. Мертвищев А.В. Внутренняя субординация обратного требования поручителя в российском гражданском праве // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2024. № 7. С. 132-169.
25. Миахутдинов Р.Т., Шайдуллин А.И. Понижение в очерёдности (субординация) требований контролирующих должника или аффилированных с ним лиц в российском банкротном праве. Научно-практический комментарий к Обзору судебной практики разрешения споров, связанных с установлением в процедурах банкротства требований контролирующих должника и аффилированных с ним лиц, утв. Президиумом ВС РФ 29.01.2020 // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. Приложение к Ежемесячному журналу. 2020. № 9. Специальный выпуск. С. 3-136.
26. Новосёлова Л.А. Залог прав требования // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2012. № 1. С. 60-73.
27. Обсуждение проблемных вопросов договора комиссии // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2004. № 8. С. 187-191.

28. Победоносцев К.П. Курс гражданского права. Часть третья: Договоры и обязательства // Классика российского права <https://civil.consultant.ru>, URL: <https://civil.consultant.ru/elib/books/15/?ysclid=m991jx80d4835176265> (дата обращения: 04.04.2025).
29. Резанов Н.В. Односторонние сделки: общие принципы правового регулирования (часть 1) // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2022. № 9. С. 122-139.
30. Родина Н.В. Договорная субординация требований кредиторов в российской юрисдикции: специфика и особенности реализации // Предпринимательское право. 2021. № 3. С. 64-72.
31. Родина Н.В. Механизм субординации требований в процессе несостоятельности (банкротства) юридических лиц: проблемы правовой регламентации. Автореферат дисс. ... канд. юр. наук. М., 2022. 30 с.
32. Родина Н.В. Субординация требований кредиторов в процессе несостоятельности (банкротства) юридических лиц: монография / под науч. ред. И.В. Фролова. М.: Юстицинформ, 2023. 192 с.
33. Сарбаш С.В. Исполнение договорного обязательства. М.: Статут, 2005. 636 с.
34. Тютрюмов И.М. Конкурсное право / под ред. А.Г. Смирных. — М.: «Издание книг ком», 2024. — 432 с. С. 217-218.
35. Тяжбин М.Д. Соглашение кредиторов одного должника о субординации в системе частного права // Вестник гражданского права. 2021. № 3. С. 7-107.
36. Халфина Р.О. Договор в английском праве. М., 1959. 319 с.
37. Харитонова Ю.С. Межкредиторские соглашения в российской доктрине и практике // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 6. С. 105-111.
38. Хохлов В.А. Общие положения об обязательствах: учебное пособие. М.: Статут, 2015.

39. Шайдуллин А.И. Модель понижения в очерёдности (субординации) займов участников юридических лиц в России: в поисках оптимального регулирования. Комментарий к Определению Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 04.02.2019 № 304-ЭС18-14031 // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2019. № 10. С. 24-46.
40. Шевченко И.М. К вопросу о субординации требований кредиторов, возникших после возбуждения дела о банкротстве // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2023. № 6. С. 164-181.
41. Ширвиндт А.М. *Beneficium cedendarum actionum* в современном контексте // Римское частное и публичное право: Многовековой опыт развития европейского права: материалы заседаний IV Междунар. конф. по римскому праву, Москва-Иваново (Сузdalь), 25-30 июня 2006 г. Иваново, 2006. С. 242.
42. Широкова Е.В. Изменение нормативно установленной иерархии требований кредиторов в деле о банкротстве: зарубежный опыт и перспективы отечественного регулирования // Закон. 2019. № 3. С. 174-191.
43. Широкова Е.В. Гражданско-правовой механизм субординации требований кредиторов при банкротстве корпорации. Автореферат дисс. ... канд. юр. наук. Ульяновск, 2021. 28 с.
44. Широкова Е.В. Юридическая конструкция единого консолидированного требования: теоретическая и практическая актуальность // Арбитражный и гражданский процесс. 2024. № 5. С. 3-7.
45. Lynn M. LoPucki. Сделка без обеспечения (часть первая) // Вестник гражданского права. 2014. № 6. С. 259-278.
46. Lynn M. LoPucki. Сделка без обеспечения (часть вторая) // Вестник гражданского права. 2015. № 1. С. 211-236.

Иные источники

1. Решение ГКДС. 1884. № 62.

Иностранные источники

1. BGH, 26.10.2009 – II ZR 222/08, NJW 2010, 64.
2. David G. Carlson, A Theory of Contractual Debt Subordination and Lien Priority, 38 Vanderbilt Law Review 975 (1985).
3. Dee M. Calligar, Subordination Agreements, 70 Yale L.J. (1961).
4. G. Gilmore, Security Interests in Personal Property, vol. 2 (Toronto: Little, Brown, 1965) at 986.
5. MacDougall, Bruce. Subordination Agreements. Osgoode Hall Law Journal 32.2 (1994): 225-269.
6. Mayer Chr. Der vertragliche Nachrang von Forderungen: Über Rechtsnatur und Rechtsfolgen der Forderungssubordination bei Nachrangdarlehen, Finanzplankredit, Mezzanine-Finance und Rangrücktritt // Diss. Mainz, 2007.
URL: <https://opencourse.ub.uni-mainz.de/bitstream/20.500.12030/2886/1/3848.pdf> (дата обращения: 04.04.2025).
7. Mika J. Lehtimaki. Debt Subordination in Corporate Liquidation // Oxford University Research Archive (ORA) www.ora.ox.ac.uk, URL: <https://ora.ox.ac.uk/objects/uuid:487c871a-951a-4373-8d40-ba756ed4d248/files/dqb98mf63z> (дата обращения: 04.04.2025).
8. P.F. Coogan, H. Kripke & F. Weiss, "The Outer Fringes of Article 9: Subordination Agreements, Security Interests in Money and Deposits, Negative Pledge Clauses, and Participation Agreements" (1965) 79 Harv. L. Rev. 229 at 233.
9. Principles, Definitions and Model Rules of European Private Law: Draft Common Frame of Reference (DCFR). Outline Edition. Model rules. Art. II-1:101(1).
10. Sir G. Trietel. The law of contract. Fifteenth edition. 2020.
11. UNCITRAL Legislative Guide on Insolvency Law, 2004. N.Y., 2005. Part Two. V: "Management of proceedings".

12. U.S. Code // Legal Information Institute www.law.cornell.edu,
URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text> (дата обращения: 04.04.2025)
13. 14 ChD 19, 25.
14. 2011 WL 1376997 (D. Ariz. 2011).

Приложения

Приложение № 1

Схема 1. Правовые характеристики межкредиторского соглашения

! Для заключения и исполнения межкредиторского соглашения участие или неучастие в нём должника не имеет правового значения. Важно установить волю обладателей материальных прав (требований) к должнику!

Схема 2. Структура отношений в рамках субординационного соглашения

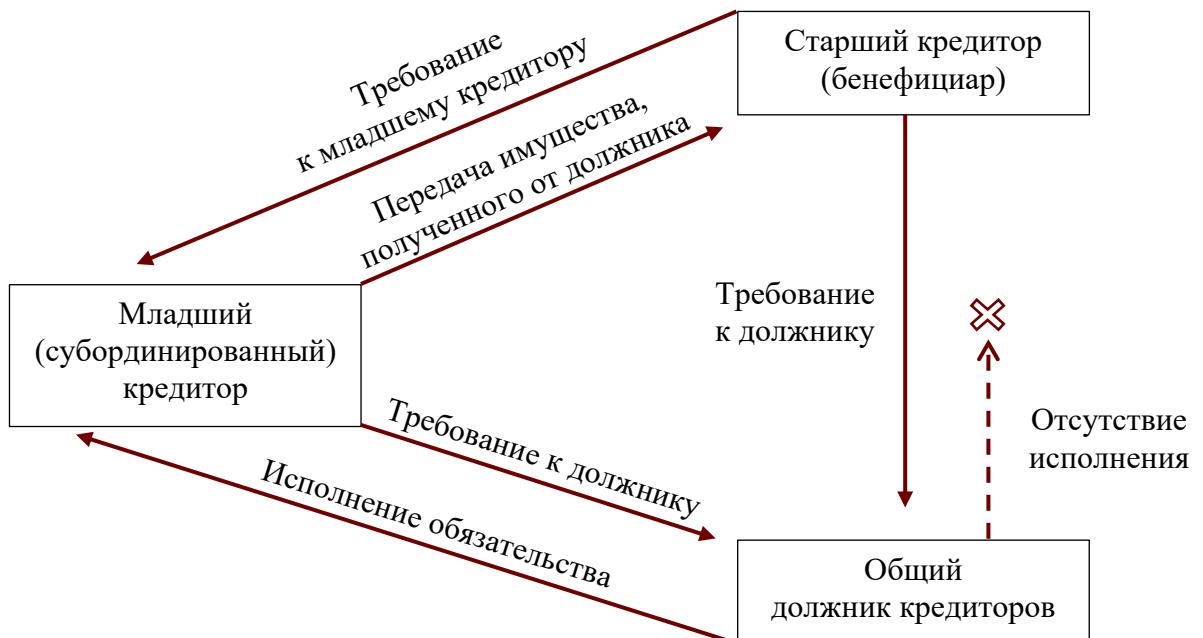

Схема 3. Последствия исполнения младшим кредитором обязательства по передаче полученного от должника

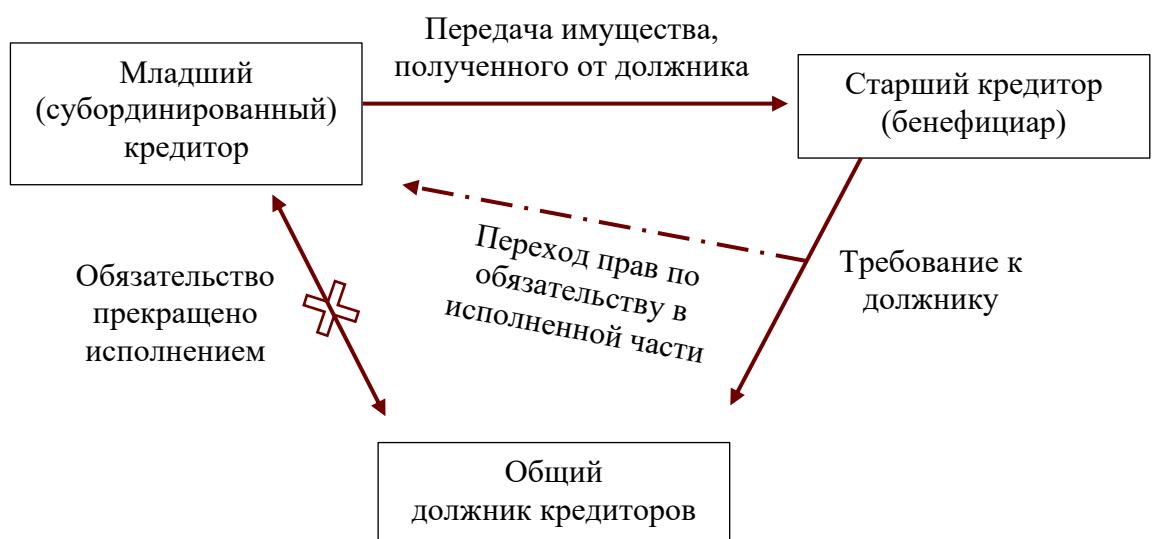

Схема 4. Структура отношений в рамках уравнивающего соглашения

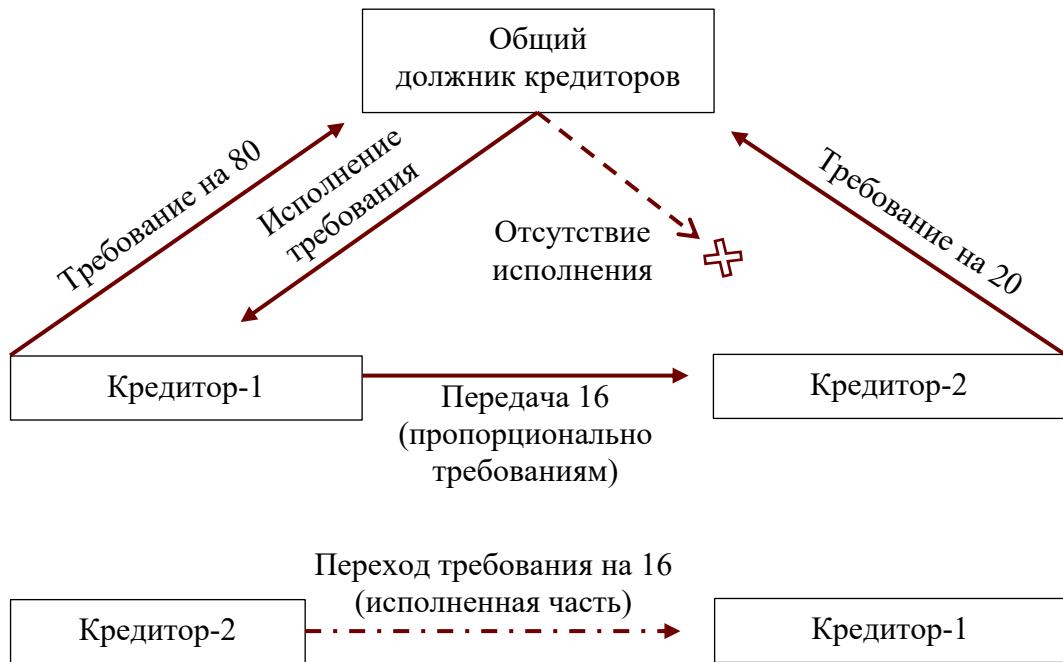

Схема 5. Консолидация денежных требований кредиторов, заключивших субординационное соглашение

Схема 6. Правовые характеристики единого консолидированного требования

